

Сэндвич с пеплом и фазаном

Автор:

Алан Брэдли

Сэндвич с пеплом и фазаном

Алан Брэдли

Загадки Флавии де Люс #7

Жизнь неугомонной юной сыщицы Флавии де Люс, и без того нескучная, круто переменялась: ее отсылают из дома в Канаду, в женскую академию мисс Бодикот, где много лет назад училась ее мать Харриет. Флавия в своем репертуаре: не успевает она встретить первый рассвет на новом месте, как приключения буквально падают к ее ногам – она обнаруживает в каминной трубе труп. Личность трупа, время и причины смерти – тайна, покрытая мраком. Флавии предстоит расследовать это дело, не имея под рукой ни верного Доггера, ни доброжелательного инспектора, ни собственной химической лаборатории. Справится ли она на этот раз?

Алан Брэдли

Сэндвич с пеплом и фазаном

Посвящается Ширли, с любовью и благодарностью

Для тебя не страшен зной,

Вьюги зимние и снег,

Ты окончил путь земной

И обрел покой навек.

Дева с пламенем в очах

Или трубочист – все прах.[1 - Перевод П. Мелковой.]

Уильям Шекспир «Цимбелин», действие IV, сцена II

«AS CHIMNEY SWEEPERS COME TO DUST»

by Alan Bradley

Издание публикуется с разрешения The Bukowski Agency Ltd и The Van Lear Agency LLC.

Copyright © 2015 by Alan Bradley.

© Измайлова Е.Г., перевод, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пролог

Если вы хоть немного похожи на меня, вам по вкусу разложение. Приятно предаваться размышлениям о том, что именно гниение и распад заставляют мир вращаться.

Например, когда где-то в лесу падает древний дуб, его почти сразу начинают поглощать невидимые хищники. Высокоспециализированные орды бактерий осаждают свою цель с методичностью армии варваров, атакующей вражескую крепость. Миссия первой волны – разложить белковые структуры павшей древесины до аммиака, с которым легко управится вторая волна, превращая пахучий аммиак в нитриты. Последняя волна агрессоров окисляет нитриты до нитратов, необходимых для удобрения почвы и, как следствие, произрастания

новых дубовых саженцев.

Благодаря чуду химии микроскопические формы жизни разлагают колосс до самых основ. Леса рождаются и умирают, приходят и уходят, словно кружащийся пенни, который подбросили в воздух: орел... решка... жизнь... смерть... жизнь... смерть... и так далее от сотворения мира до конца времен.

Это просто поразительно, если вас интересует мое мнение.

Оставленные на милость земли человеческие тела подвергаются такому же самому трехступенчатому процессу: плоть – аммиак – нитриты.

Но когда труп плотно пеленают в вымазанный землей флаг, засовывают в трубу камина и оставляют там на веки вечные обугливаться и мумифицироваться жаром и дымом – что ж, это совершенно другая история.

Глава 1

– Изгнана! – прорычал порыв мощного ветра мне прямо в лицо.

– Изгнана! – ревели безумные волны, окатывая меня ледяной водой.

– Изгнана! – завывали они. – Изгнана!

В английском языке нет более печального слова. Сам его звук напоминает лязгание железных врат, которые захлопываются за вашей спиной; звук задвигающихся стальных запоров, от него волосы встают дыбом, правда же?

– Изгнана!

Я прокричала это слово навстречу бешеному ветру, и ветер плюнул мне его обратно в лицо.

– Изгнана!

Я стояла на вздымающемся носу королевского почтового судна «Синтия», широко раскрыв рот в надежде, что соленая влага смоет неприятный привкус – привкус жизни, которая отныне ждет меня.

Где-то в тысяче миль к востоку остались деревушка Бишоп-Лейси и Букшоу, мой прежний дом, где в этот самый момент мой отец, полковник Хэвиленд де Люс, и мои сестрицы Офелия и Дафна, скорее всего, преспокойно занимаются своими делами, как будто меня никогда и не было.

Они уже забыли меня. Я в этом уверена.

Только преданные слуги, Доггер и миссис Мюллер, украдкой уронят слезу по поводу моего отъезда, но и у них со временем останутся лишь смутные воспоминания о Флавии.

Здесь же, посреди бушующей Атлантики, нос «Синтии» задирался выше... выше... все выше над морем, устремляясь к небу, а затем обрушивался в волны с жутким гулким рокотом, и бурлящая вода двумя белыми крыльями обтекала борта корабля. Все равно что ехать без седла верхом на огромном стальном гонце, плывущем брассом.

Хотя было еще начало сентября, море бушевало. Нас краем задел тропический шторм, и теперь, два дня спустя, швыряло, словно выдернутую из бутылки пробку.

Все, за исключением капитана и меня, – по крайней мере, никого больше не было видно, – укрылись в своих каютах, так что единственными звуками, которые можно было слышать, передвигаясь по качающимся под ногами коридорам в столовую, были стон измученной стали и тошнотворные звуки множества опустошаемых желудков по обе стороны прохода. С учетом того, что пассажиров на борту было почти девять сотен, впечатление было ужасающее.

А мне, похоже, повезло обладать природным иммунитетом против укачивания в море: полагаю, это наследие моих предков – морских путешественников вроде Таддеуса де Люса, который во времена Трафальгарской битвы был всего лишь мальчишкой, но рассказывали, что ему довелось принести лимонад умирающему адмиралу Нельсону и поддержать его холодную влажную руку.

Последними словами Нельсона, кстати, были не широко известные «Поцелуй меня, Харди» в адрес капитана «Виктории» Томаса Харди, а вообще-то: «Пить, пить... обмахните меня, обмахните... протрите руки...», которые адмирал лихорадочно шептал изумленному юному Таддеусу, который хоть и ударился в слезы при виде смертельно раненного героя, но делал все возможное, дабы помочь великому человеку.

Ветер раздувал мне волосы и пытался сорвать с меня осеннее пальто. Я как можно глубже вдохнула соленый воздух, подставляя лицо каплям воды.

Чья-то рука грубо схватила меня за плечо.

– Что, черт возьми, ты тут делаешь?

Удивившись, я резко повернулась и попыталась высвободиться.

Разумеется, это был Райерсон Рейнсмит.

– Что, черт возьми, ты тут делаешь? – повторил он.

Этот человек – из тех людей, которые думают, что задавать каждый вопрос по два раза – секрет успеха.

Лучший способ с ними управляться – не отвечать.

– Я тебя везде ищу. Дорси вне себя от беспокойства.

Значит ли это, что теперь их две? – хотелось спросить мне, но я сдержалась.

Дорси – то еще имечко, так что ничего удивительного, что он называл ее Додо – по крайней мере, когда считал, что они находятся наедине.

– Мы боялись, что ты свалилась за борт. Немедленно вниз. Отправляйся в свою каюту и переоденься в сухое. Ты похожа на мокрую крысу.

Вот оно. Последняя капля.

«Райерсон Рейнсмит, – подумала я, – твои дни – да что там дни, часы – сочтены».

Я пойду к молодому милому корабельному доктору, с которым познакомилась позавчера за ужином. Под предлогом расстройства желудка выпрошу бутылочку двууглекислой соды. Хорошая порция этой штуки – я улыбнулась слову «хорошая», – добавленная в неизменную бутылку шампанского Рейнсмита, сделает все, что надо.

Если принять ее на полный желудок – о последнем не стоит беспокоиться, когда дело касается Райерсона Рейнсмита! – двууглекислая сода в сочетании с шипучим алкоголем может оказаться смертельной: сначала головная боль, которая будет усиливаться с каждой минутой, потом спутанность мыслей и сильная боль в животе; следом мышечная слабость, слабый стул в форме кофейных зерен, дрожь, судороги – классические симптомы алкалоза. Я уговорю его выйти на палубу подышать свежим воздухом. Гипервентиляция легких ускорит процесс – это все равно что плеснуть бензина в костер.

Если мне удастся повысить рН его артериальной крови до 7,65, ему крышка. Умрет в мучениях.

– Иду, – угрюмо сказала я и поплелась следом за ним по качающейся палубе со скоростью сонной улитки.

Трудно поверить, что меня доверили этому отвратительному типу. Однако вполне понятно, как это случилось.

Все началось после несчастья с моей матерью Харриет. Десять лет она считалась пропавшей в горах Тибета, а недавно вернулась в Букшоу при таких жутких обстоятельствах, что мой мозг до сих пор отказывался думать о них дольше нескольких секунд подряд; еще чуть-чуть – и мой внутренний цензор прерывает нить памяти с такой же легкостью, как Атропос, ужасная старшая сестра Мойр[2 - Атропос (или Атропа, или Айса) – одна из трех сестер-богинь судьбы в греческой мифологии. – Прим. ред.], перерезает нить жизни, когда приходит время умереть.

Развязкой всей этой истории стала моя ссылка в женскую академию мисс Бодикот, канадскую школу, где училась Харриет и где меня должны

подготовить для какой-то старинной наследственной роли, о которой я до сих пор остаюсь в неведении.

«Тебе просто надо будет найти свой способ узнать, – сказала мне тетушка Фелисити. – Но со временем ты поймешь, что долг – лучший и мудрейший из учителей».

Я не вполне поняла, что она имеет в виду, но поскольку моя тетушка занимает довольно высокое положение в этом непонятно чем, спорить с ней не стоило.

«Это что-то вроде «Фирмы», верно? – спросила я. – Как называет себя королевская семья?»

«Что-то вроде, – ответила тетушка Фелисити, – но с той разницей, что члены королевской семьи могут отречься. А мы – нет».

Именно по настоянию тетушки Фелисити меня упаковали, словно сверток тряпья, и швырнули на судно, идущее в Канаду.

Конечно, возникли возражения по поводу того, что я поеду одна, особенно против были викарий и его жена. Потом ходили разговоры о том, чтобы отправить со мной в трансатлантическое путешествие Фели и ее жениха Дитера Шранца, но эту идею отбросили не только из-за неприличия, но и потому что положение Фели, органистки Святого Танкреда, считалось чрезвычайно важным.

Тогда свою кандидатуру предложила Синтия Ричардсон, жена викария. Хотя у нас с Синтией бывали взлеты и падения в отношениях, недавно мы стали близкими подругами – неожиданный поворот, в который я до конца не могу поверить. Без общества мужа Синтия светилась радостью, будто снова стала молодой девушкой. Викарий пришел бы в ужас от количества чая, который мы пролили на пол его кухни, заливаясь истерическим смехом.

Но увы, Синтию тоже отвергли. Как и Фели, она слишком важна, чтобы ее можно было отпустить. Без нее не будет ни церковного календаря, ни церковных бюллетеней, ни цветов на алтаре, ни домашних визитов, ни гильдии девочек-скаутов, ни выстиранного и отглаженного облачения священника, ни завтраков, обедов и ужинов для викария... список все удлинялся и удлинялся.

Я знала, что она разочарована. Синтия сказала мне об этом.

«Я бы с удовольствием побывала в Канаде, – объявила она. – В молодости мой отец работал сплавщиком бревен на реке Оттава. Вместо волшебных сказок он, бывало, рассказывал мне на ночь страшные истории об оборотнях в канадских лесах и о том, как на стремнинах острова Алюметт во время состязания, кто дольше удержится на плывущем бревне, он однажды окатил водой Оле Булла и Большого Жака Лярока – обоих в одно и то же утро. Я всегда надеялась, что однажды надену пару сапог лесоруба с шипами на подошвах и попробую сделать то же самое, – мечтательно добавила она. – Теперь, полагаю, у меня больше нет шансов».

Я чуть не заплакала, глядя, как она сидит за кухонным столом у себя дома, мысленно погружившись в прошлое.

«Гильдия девочек-скаутов почти так же опасна», – весело сказала я в надежде подбодрить ее, но не думаю, что она меня услышала.

В тот же день тетушка Фелисити объявила, что проблема решена: из женской академии мисс Бодикот пришли сведения, что председатель общества попечителей академии, который проводит лето в Англии, в сентябре отправится домой. Он провел несколько дней на охоте с нашим соседом лордом Краусборо, и, по его словам, ему совсем нетрудно заехать к нам и забрать меня – как будто я пустая бутылка из-под молока.

Я всегда буду помнить день, когда он приехал в Букшоу в арендованном «бентли» – с опозданием на полтора часа, должна я заметить. Выскочил из машины и обежал ее, чтобы открыть дверцу для Дорси, царицы Савской, которая вылупилась из машины, словно аист из яйца, и встала в лучах сентябрьского солнечного света, моргая и делая вид, будто ее только что вывели из гипнотического транса. Она облачена в бирюзовое шелковое платье, голову прикрывал шарф в тон, а на губах – слишком яркая розовая помада. Надо ли добавлять что-то еще?

«О, Райерсон, – прокудахтала она, уставившись на наш семейный дом. – Как оригинально. Такой старомодный упадок, все, как ты рассказывал».

Довольный собой Райерсон Рейнсмит в летнем костюме цвета остывшего кофе со свернувшимися сливками, осматривался, заткнув большие пальцы в карманы желтого жилета и похлопывая ладонями по своему обширному животу. Он напомнил мне куропатку.

Отец, появившийся в дверях, чтобы его приветствовать, вышел на гравиевую дорожку, и они обменялись рукопожатием.

«Полковник де Люс, полагаю, – сказал Рейнсмит с таким видом, будто решил загадку века. – Я бы хотел представить вас моей жене Дорси. Пожми руку сквайру, дорогая. Не каждый день выпадает такая возможность. – И наигранно засмеялся: – Ха-ха-ха. А это, должно быть, крошка Флавия».

Ну все, этот человек – покойник.

«Мистер Рейнсмит», – сказал он и сунул влажную ладонь мне прямо в лицо.

Однажды Доггер предупредил меня остерегаться людей, которые представляются «мистерами». Это вежливое обращение, сказал он, знак уважения, которое проявляют другие люди, но его никогда-никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя употреблять, говоря о себе.

Я проигнорировала протянутую руку.

«Здорово», – сказала я.

Отец застыл. Его глаза сузились. Я знала, что творится в этот момент в его голове.

Мой отец вырос в эпоху, когда джентльменов учили, что вежливость – это все и что единственный верный способ проиграть филистерам[3 - Филистер – человек с узким, ограниченным умственным кругозором и ханжеским поведением.] – утратить самообладание и признать, что они тебя задела. Годы в японском лагере военнопленных отшлифовали его способность сохранять каменное спокойствие в ответ на оскорбления.

«Прошу, входите», – произнес он, указывая на парадную дверь.

Мне хотелось слегка стукнуть его и одновременно обнять. Гордость за родителей иногда принимает странные формы.

«Какой оригинальный вестибюль! – воскликнула Дорси Рейнсмит. Ее голос был резким, как вонь старого сыра, и слова неприятным эхом отразились от темных стен. – У нас были такие же проблемы с трескающимся лаком в нашей гостиной в Торонто, верно, Райерсон? Наш подручный Смизерс говорит, что это вызвано либо перегревом, либо переохлаждением».

«Или возрастом», – предположила я.

Отец пронзил меня ничего не выражающим взглядом, но я догадалась, что он хотел им сказать.

В гостиной Рейнсмиты без приглашения уселись в самые удобные кресла, тогда как отцу и мне пришлось устроиться на свободных стульях.

Через идеально выверенный промежуток времени появился Доггер, предложив чаю. Я заметила, что Рейнсмиты впечатлились.

«Благодарю, Доггер, – сказала я. – И пожалуйста, передай нашу благодарность миссис Мюллет».

Это была игра, в которой упражнялись мы с Доггером: игра, правила которой были настолько тонкими, что за пределами нашего узкого семейного круга никто не мог ничего уловить.

«Не за что, мисс Флавия, – отвечивал Доггер. – Нам доставляет удовольствие служить вам».

«Да, спасибо, Доггер», – сказал сбитый с толку Райерсон Рейнсмит, изо всех сил стараясь оставаться на плаву.

«И спасибо вашей миссис Мюллет», – добавила его жена.

Доггер изобразил в их адрес трехпроцентную улыбку и испарился, как он умеет.

Вскоре в гостиную пришли Даффи и Фели, изображая горечь утраты при мысли о моем отъезде. Со сводящей с ума вежливостью они обменялись несколькими репликами с Рейнсмитами и отчалили – одна к книжке, вторая к зеркалу.

Однако нет смысла ворошить пепел того тягостного дня.

Было решено, что Рейнсмиты будут моими компаньонами по пути в Канаду и доставят меня прямо к порогу женской академии мисс Бодикот.

«Компаньонами? – переспросила Даффи, когда они отбыли. – Цицеронами, скорее. Вот подходящее слово. Флавия и ее великое путешествие – подумать только! Надеюсь, ты это ценишь, везучая гусыня. Я бы отдала все на свете, чтобы оказаться на твоём месте».

Я швырнула в нее теннисной ракеткой, но промазала.

Плеться по палубе корабля следом за Райерсоном Рейнсмитом, я скучала по Даффи. По крайней мере, Даффи – моя плоть и кровь и ей легко бросить вызов. Райерсон Рейнсмит, напротив, запомнит этот миг до конца своих дней. Будет рассказывать своим вонючим внукам, когда сам превратится в дрожащий пудинг в инвалидном кресле.

«И там я ее нашел, – скажет он надтреснутым дрожащим голосом, – она стояла на самом носу корабля, а волны перехлестывали через ее голову».

Он не произнес ни слова, пока мы не спустились под палубу. По качающемуся коридору мы побрели в каюту Рейнсмитов, словно заводные игрушки. Он явно забыл, что велел мне переодеться в сухое. Или решил привести меня к своей жене в мокром виде.

– Прислушайся ко мне, – прошептал он мне заговорщицки, словно мы старые друзья, – не выводи ее.

Он постучался в дверь перед тем, как открыть ее, и жестом велел мне входить первой.

Дорси Рейнсмит посмотрела на меня с таким видом, будто ей сунули в лицо кобру.

– Взгляни на себя! – сказала она. – Ты только взгляни на себя!

Это приказ, который часто отдают девочкам моего возраста, совершенно не думая, как его на самом деле сложно выполнить.

Я слегка скосила глаза, но если она это заметила, то не подала виду.

– Где ты была? – требовательно спросила она.

– На палубе, – ответила я.

– Зачем?

– Свежий воздух.

– Ты могла упасть за борт. Тебе это не приходило в голову?

– Нет, – честно ответила я. Еще меня могло зашибить ведром или на меня мог спикировать альбатрос, но этого я не сказала.

Что в этой женщине так действует мне на нервы? Как правило, я очень терпима, но в Дорси Рейнсмит есть что-то такое, что меня крайне раздражает.

Я думаю, дело в том, как она ведет себя со своим мужем, считая его пустым местом.

Есть слово, которое моя сестрица Даффи употребляет, когда хочет быть особенно язвительной: «подобострастный». Оно наилучшим образом характеризует поведение Райерсона Рейнсмита в присутствии его жены: заискивающее и раболепствующее до тошноты.

Я взглянула на него, стоящего в дверях каюты и явно опасавшегося войти внутрь. Он приволок меня, как кот приносит дохлую птицу своему хозяину. Он

ждет, что его погладят по голове – или дадут сметаны.

Но ничего такого ему не досталось.

– Что с тобой делать? – вздохнула Дорси, как будтоотягощенная ответственностью за всю Британскую империю.

Я сделала то, чего от меня ожидали: пожала плечами.

– Доктор Рейнсмит в расстройстве из-за тебя, – продолжила она, как будто его самого не было в каюте. – А доктор Рейнсмит терпеть не может расстраиваться.

Доктор Рейнсмит? Он же представился мистером. В качестве председателя общества попечителей женской академии мисс Бодикот он может быть доктором педагогики или теологии. Что ж, в любом случае я не собираюсь обращаться к нему ни с какими пышными титулами.

– Отправляйся в свою комнату и переоденься. И сиди там, пока за тобой не пошлют.

Отправляйся в свою комнату. Классический ответ человека, который не может придумать ничего нового.

Шах и мат! Аллилуйя! Гейм, сет и матч!

Я выиграла.

На следующее утро я стояла у перил на носу в правой части, размахивала шапкой и распевала «Жизнь на океанской волне», чтобы приободриться, и тут краем глаза увидела Райерсона Рейнсмита. Заметив меня, он отскочил и скрылся.

И это задало тон всему нашему путешествию.

Через пару дней, когда мы приблизились к заливу Галифакс, Дорси велела мне высморкать нос. Так я впервые увидела Новый Свет.

Мы сошли с корабля в Квебеке. Канадский таможенник в черном костюме и фуражке поинтересовался целью моего визита.

– Исправительная колония, – объявила я.

Он поднял брови, сочувственно кивнул Рейнсмитам и поставил печать в мой паспорт.

Только теперь – в этот самый миг – я осознала, насколько далеко я от дома. Одна в чужой стране.

Непостижимо, но я расплакалась.

– Ну хватит, хватит. – Райерсон Рейнсмит смотрел не столько на меня, сколько на таможенника. Это прозвучало как «хваа-атит, хваа-атит», и, несмотря на слезы, я обратила внимание, что чем дальше на запад мы путешествовали, тем заметнее становился его фальшивый британский акцент.

– Английская малышка скучает по дому, – произнес таможенник, опускаясь на колени и промакивая мои слезы огромным белым носовым платком.

Не надо быть великим детективом, чтобы догадаться: он уже проверил наши паспорта и знал, что я не их ребенок.

Что же ему надо в таком случае? Он так близко рассматривает меня, чтобы убедиться, что я не везу контрабанду?

Секунду я обдумывала идею изобразить обморок, а потом попросить бодрящий глоток джина «Гордон», шесть бутылок которого были припрятаны под фальшивым дном пароходного кофра Райерсона.

Не спрашивайте, откуда я узнала. В моей жизни есть пара вещей, которыми я не особенно горжусь.

– Выше нос! – сказал таможенник, подняв мой подбородок согнутым пальцем и заглядывая мне в глаза. Он улыбнулся Рейнсмитам. – У меня дома такая же.

Почему-то я засомневалась в этом, но выдавила слабую улыбку.

Что за бессмысленная реплика! Даже если у него дома сотня дочерей рыдают в сто шелковых платочков, мне какое дело? Какое это имеет значение?

Одна из тех вещей, которые вгоняют меня в ужас при мысли о взрослой жизни, – то, что рано или поздно ты поддаешься сентиментальности в ущерб простой логике. Фальшивые чувства препятствуют действиям, как густой мед склеивает крошечные детали часового механизма.

Я наблюдаю это раз за разом в знакомых мне взрослых. Когда больше ничто не помогает, старый добрый плач гарантированно сбивает их с толку. Это не просто инстинкт – нет, это что-то большее. Это как-то связано с маслянистыми химическими веществами, выделяемыми плачущим человеком: с каким-то суперчувствительным органом в носу, определяющим изменение гормонов и уровня белка по трогательному плачу – и особенно он развит у взрослых женщин.

Я подумывала о написании исследования на эту захватывающую тему: «Слезы и мензурка», но была вынуждена отложить эту идею, когда меня без церемоний выставили из родного дома. Одной мысли о том, что я лишилась великолепной химической лаборатории дядюшки Тарквина с ее сверкающими пробирками, милым старым микроскопом Ляйтца, рядами бутылочек с химикалиями и ядами, оказалось достаточно, чтобы снова довести меня до слез, так что я оказалась ровно на том же месте, с которого начала.

Именно в той тихой комнате при свете, льющемся в высокие створчатые окна, с помощью записных книжек дядюшки Тара и библиотеки я обучилась химии и тем самым навсегда отделила себя от остального человечества.

Неважно, что, когда я приступила к делу, я была лишь ребенком. Теперь мне двенадцать и я поразительно опытна в манипулировании тем, что дядюшка Тар однажды окрестил «крошками Вселенной».

– Извините, – сказала я. – Я в порядке. Простите.

Гипноз закончился. Миг прошел, и мы снова оказались в холодном, холодном мире.

Таможенник поднялся с колен и поспешно осмотрелся по сторонам, чтобы убедиться, что никто не заметил его минутную слабость.

– Следующий! – крикнул он, ставя отметку мелом на нашем багаже.

Пока Райерсон Рейнсмит стоял в очереди в железнодорожную кассу за билетами, я прихватила карту и расписание поездов с подвернувшегося по пути стеллажа. Я увидела, что от Квебека до Торонто четыреста миль – почти такое же расстояние, как от Лендс-Энда до Джон-о’Гроутса.

Поездка займет около девяти часов, и мы прибудем в Торонто поздно вечером – в одиннадцать часов.

Дорси Рейнсмит запаслась купленным в газетном киоске романом «Мне отмщение» Микки Спиллейна. Она попыталась спрятать его за экземпляром «Монреаль Газетт», но я заметила иллюстрацию на обложке: мужчина в тренче и широкополой шляпе держит на руках блондинку, судя по виду, мертвую, чье белое шелковое платье задралось примерно до ноздрей.

Я узнала в названии цитату из Библии – цитату, которую я несколько раз твердила себе под нос, замышляя, как преподать сестрицам очередной урок. На обложке книги также была реклама других романов этого же автора – «Суд – это я» и «Мой револьвер быстр».

В этих заголовках было что-то невыразимо успокаивающее, но я не могла сформулировать, что именно.

– Все на посадку! – прокричал кондуктор.

Я быстро училась. Дома в Англии в поездах были проводники, а в автобусах и трамваях – кондукторы. Тут, в Канаде, проводник звался кондуктором, купе в

вагонах не было, а сиденья располагались по обе стороны от центрального прохода.

Это все равно что заснуть и проснуться в Зазеркалье. Все такое огромное, и люди ездят по неправильной стороне дороги.

Неудивительно, что это место прозвали Новым Светом.

Наконец поезд тронулся и мы двинулись в путь. Мне пришлось сидеть лицом к Рейнсмитам, как будто я на скамье подсудимых в «Олд-Бейли» перед парочкой кислотицких магистратов.

Спустя пятьдесят миль благословенного молчания Райерсон Рейнсмит решил заняться моим просвещением. Он развернул железнодорожную карту и начал зачитывать вслух название каждого города, который мы проезжали.

– Вал-Ален, Виллерей, Парисвилль, Сен-Венцеслас...

Я подавила зевок.

А он все продолжал и продолжал – всю дорогу от Сен-Леонард-де-Николет, Сен-Перпетуи, Сен-Сирила, Сен-Жермена, Сен-Эжена, Сен-Эдуарда, Сен-Розали, Сен-Гиацинта, Сен-Мадлен, Сен-Илера, Сен-Юбера до Сен-Ламбера, и мне ужасно хотелось закричать. Я пыталась притвориться, что сплю, но бесполезно. Он наклонялся, тряс меня за руку, как будто я кролик, а он терьер.

– География – это интересно, – говорил он. – Почему бы тебе не занять себя?

Дорси не поднимала носа от своего кровавого романчика. Только однажды она спросила:

– Что такое «голландский акт», Райерсон?

Он побледнел и приобрел такой вид, будто у него мозг вот-вот вытечет из ушей.

– Это про маленьких пьяниц, – ответил он, извлекая носовой платок из кармана и утирая физиономию.

Дорси вернулась к книге, как будто не услышала ответ или ей все равно.

Я бы могла ей сказать, что это значит самоубийство, но решила, что не стоит.

Райерсон продолжал называть вслух города, которые мы проезжали, весь день, но теперь добавил еще расстояние и время прихода поезда по расписанию.

К тому времени, как мы прибыли на центральный вокзал в Монреале, я превратилась в бессмысленное желе.

К счастью, нам надо было не только пересест на другой поезд, но и переехать на другой вокзал, поэтому в течение ближайших четырех часов мой самопровозглашенный учитель был очень занят, снисходительно говоря с таксистами и страдая кассиров и носильщиков, так что мои уши хоть немножко отдохнули.

Но слишком скоро мы снова сидели в поезде.

«Мы едем на запад!» – хотелось мне крикнуть.

Я не могла дождаться, когда же мы приедем в Торонто – не столько ради того, чтобы добраться до пункта назначения, как чтобы избавиться от этого человека, которого я прозвала маркизом Болтуном.

Мы ехали в комфорте, если не считать раздражающей болтовни Райерсона, вдоль берега реки Святого Лаврентия, усеянной огромным количеством островков – на некоторых из них в величественном и великолепном одиночестве стояли каменные домики.

Спрыгну с поезда на следующей остановке, решила я. Уплыву на какой-нибудь из этих потаенных островков и стану современным Робинзоном Крузо. Канада – это ж такая глушь. Меня никогда не найдут.

– Посмотри, Флавия! – обратился ко мне Райерсон, указывая на замок из серого песчаника. – Это пенитенциарий «Кингстон».

– Где ты в конце концов окажешься, если не будешь себя прилично вести, – заметила Дорси, оторвавшись на секунду от своего кровавого триллера.

Я понятия не имела, что такое пенитенциарий, но судя по звучанию этого слова, оно в точности описывает мою теперешнюю ситуацию, так что я представила, как укрываюсь за высокими стенами этой холодной каменной крепости, спасаясь от Рейнсмитов.

Время тянулось ужасно медленно.

За окном проносилась Канада. Мне казалось, что она состоит из удивительного количества воды.

А потом стемнело и я могла видеть в окне только отражения Рейнсмитов. Дорси уснула, неловко склонив шею и открыв рот, словно висельник, – зрелище неприятное, но почему-то приносящее удовлетворение.

Я притворилась, будто она – убийца Эдит Томпсон, жестокая казнь которой привела к тому, что ее палач Джон Эллис покончил жизнь самоубийством.

Из уголка рта Дорси показалась ниточка слюны, покачивающаяся в такт движению поезда. Я раздумывала, дополняет ли это картину висельницы или, наоборот, портит, когда Райерсон прикоснулся к моей руке.

Я чуть не подпрыгнула от испуга.

– Скоро Торонто, – прошептал он, чтобы не потревожить спящую жену.

Он хотел разбудить ее не больше, чем я.

Я отвернулась, наблюдая за светящимися окнами, показавшимися снаружи в темноте: окнами, в которых дюжины матерей готовили еду в дюжинах кухонь, дюжины отцов читали дюжины газет в дюжинах удобных кресел, дюжины детей писали или рисовали за дюжинами столов, и там и сям, словно свечи во тьме, поблескивали одинокие голубые экраны телевизоров.

Так грустно.

Разве могут дела обстоять еще хуже?

Глава 2

В Торонто шел дождь.

Низкие облака, сердито смотревшие на высокие здания гостиниц, казались воспаленными внутренностями из-за красных отблесков, отбрасываемых неоновой рекламой. Мокрые тротуары напоминали какой-то безумный ковер, сшитый из клочков, – вперемешку текущие цвета и бегущая вода. В сыром мраке сверкали огни трамваев, и вечерний воздух остро пах озоном.

Дорси Рейнсмит еще не до конца проснулась. Моргая, она стояла на тротуаре под зонтиком, который держал ее муж, с таким видом, будто только что очнулась и обнаружила себя на незнакомой малоприятной планете.

– Сегодня все такси заняты, – сказал ее муж, окидывая взглядом улицу во всех направлениях. – Но кто-нибудь еще приедет.

Он отчаянно замахал руками, подавая сигнал одинокому такси, едущему по неправильной стороне улицы, но оно, расплескивая воду, проехало мимо, не заметив нас.

– Не понимаю, почему Мертон не смог нас встретить, – заметила Дорси.

– Додо, у него умерла мать, – ответил Райерсон, забыв, что я рядом. – Ты что, не помнишь? Он прислал телеграмму.

– Нет, – заявила она, недовольно выпячивая губы.

Райерсон яростно грыз нижнюю губу. Если такси не объявится в течение ближайших двух минут, ему понадобится наложить швы.

– Завтра я закажу цветы, – сказал он, – для вас обеих.

Невероятно! Что это, оскорбление? Или я ослышалась?

Дорси обратила на него медленный, леденящий змеиный взор, но в этот самый момент рядом с нами, разбрызгивая воду, резко затормозило такси.

– А! Вот и мы! – радостно сказал Райерсон, потирая руки – или выламывая пальцы, я не совсем поняла.

Рейнсмита забрались на заднее сиденье, а мне пришлось сесть рядом с водителем.

Райерсон назвал свой домашний адрес.

– Мы приютим тебя на ночь, Флавия, – сказал он. – Слишком поздно, чтобы ехать в академию мисс Бодикот. Они давно уже закрылись.

– Ничего подобного, – объявила его добрая женушка. – У нас комната не готова, и с учетом того, что Мертон не в состоянии, сама я не справлюсь. Везите нас в женскую академию мисс Бодикот. Мы их разбудим.

Так все и вышло.

В зеркале заднего вида я видела, как Дорси Рейнсмит шевелит губами, на чем свет стоит распекая своего супруга. И в свете уличных фонарей, проникавшем сквозь залитые водой боковые стекла, лицо Райерсона как будто таяло.

Женская академия мисс Бодикот располагалась в тупике прямо за авеню Данфорт.

И выглядела совершенно не так, как я ожидала.

По обе стороны улицы теснились высокие дома, и их окна светились ярко и приветливо. Среди них огромным темным пятном на отдельном участке виднелась академия мисс Бодикот: высокая, огромная – несколько акров мрачной темноты под дождем.

Впоследствии я выяснила, что когда-то здесь был монастырь, но в тот момент я этого еще не знала. Райерсон сердито дергал колокольчик того, что я приняла за жилище привратника: что-то вроде готического окошка, вделанного в дверь арочного парадного входа.

К двери вела длинная каменная лестница. Дорси ждала в такси, а я стояла рядом с ее мужем на ступеньках. Райерсон заколотил кулаком в тяжелую дверь.

– Откройте! – закричал он в пустые окна без занавесок. – Это председатель! – и пробормотал себе под нос: – Это заставит их пошевелиться.

Где-то внутри загорелся слабый свет, как будто кто-то зажег свечу.

Райерсон расплылся в торжествующей улыбке, и я подумала: может, надо поаплодировать?

Спустя то, что показалось мне вечностью, а в реальности наверняка было меньше минуты, дверь чуть приоткрылась и нам явилось привидение в халате, очках с толстыми стеклами и в папильотках.

– Что надо? – спросил скрипучий голос, и подсвечник приподнялся, освещая наши физиономии. А потом послышался придушенный вздох. – О! Простите, сэр!

– Все в порядке, Фицгиббон. Я привез новую девочку.

– А, – отозвалось привидение, описывая подсвечником широкий полукруг и приглашая нас войти.

Мы оказались в просторном гулком мавзолее, стены которого повсюду перемежались стрельчатыми раскрашенными закутками и альковами, некоторые из них в форме раковины. Такое впечатление, что когда-то здесь стояли религиозные изваяния, но бледные святые и девы были изгнаны и заменены медными бюстами кислотицых пожилых мужчин с бакенбардами в бобровых шапках, заложивших ладони за отвороты сюртуков.

Помимо этого я успела заметить только вытертые половицы, покрытые лаком и исчезающие во всех направлениях, и тут свеча погасла и мы остались в темноте.

Пахло здесь, как на складе пианино: деревом, лаком и металлом, что намекало на тугие струны и старые лимоны.

– Проклятье, – прошептал мне кто-то на ухо.

Мы находились, как я предположила, в холле, когда внезапно загорелся электрический свет, и мы втроем заморгали.

Высокая женщина стояла наверху широкой лестницы, держа руку на выключателе.

– Кто там, Фицгиббон? – поинтересовалась она, и в ее голосе прозвучали мед и сталь.

– Председатель, мисс. Он привез новенькую.

Я начала злиться. Не собираюсь стоять тут, как мебель, пока меня обсуждают.

– Добрый вечер, мисс Фолторн, – заговорила я, сделав шаг вперед. – Меня зовут Флавия де Люса. Полагаю, вы меня ждете.

Я прочитала имя директрисы на рекламном проспекте академии, присланном отцу. Мне оставалось только надеяться, что женщина на лестнице – действительно директриса, а не просто какая-то прислужница.

Она медленно спустилась по лестнице; поразительно светлые волосы снежным нимбом окружали ее голову. Одета она была в черный костюм и белую блузку. Большая рубиновая булавка сверкала у шеи, словно капля свежей крови. Крючковатый нос и темный цвет лица делали ее похожей на пирата, бросившего море ради карьеры в образовании.

Она окинула меня изучающим взглядом с головы до пят.

Должно быть, она была удовлетворена осмотром, потому что наконец произнесла:

– Возьмите ее вещи.

Фицгиббон открыла дверь и подала знак таксисту, и через минуту мой багаж, влажный от дождя, был свален в фойе.

– Благодарю вас, мистер Рейнсмит, – промолвила она, отпуская председателя. – Очень мило с вашей стороны.

Довольно краткая благодарность человеку, который провез меня через всю Атлантику и половину Канады, но, возможно, сейчас просто слишком поздно.

Отделавшись кратким кивком, Райерсон Рейнсмит исчез, и я осталась наедине со своими пленителями.

Мисс Фолторн – теперь я была уверена, что это она, поскольку она не поправила меня, – неспешно обошла вокруг меня.

– Есть ли у тебя сигареты и алкоголь при себе или в багаже?

Я отрицательно покачала головой.

– Ну и?

– Нет, мисс Фолторн, – сказала я.

– Оружие? – поинтересовалась она, разглядывая меня вблизи.

– Нет, мисс Фолторн.

– Что ж, очень хорошо. Добро пожаловать в женскую академию мисс Бодикот. Утром я оформлю тебя должным образом. Отведи ее в комнату, Фицгиббон.

С этими словами она выключила свет и слилась с темнотой.

Фицгиббон снова зажгла свечу, и мы двинулись по лестнице, сопровождаемые отблесками и тенями.

– Тебя поселили в «Эдит Клейвелл», – проскрипела она наверху лестницы, выуживая связку ключей из немыслимых недр своего халата и открывая дверь.

Я сразу же узнала имя. Эта комната была посвящена памяти героини Второй мировой войны Эдит Клейвелл, британской медсестры, убитой немецкой расстрельной командой за то, что помогала бежать военнопленным. Я вспомнила ее знаменитые слова, сказанные перед смертью и выбитые на ее памятнике около Трафальгар-сквер в Лондоне: «Патриотизма недостаточно. Я не должна испытывать ненависть и горечь по отношению к кому-либо».

В этот самый миг я решила, что отныне это будет мой личный девиз. Самые подходящие слова.

По крайней мере, в настоящий момент.

Фицгиббон поставила подсвечник на маленький деревянный столик.

– Задуй свечу, когда будешь ложиться спать. Никакого электрического света – уже наступил комендантский час.

– Могу я разжечь камин? – спросила я. – Я очень замерзла.

– Камин не разрешается до пятого ноября, – ответила она. – Такова традиция. Кроме того, уголь и дерево стоят денег.

С этими словами она ушла.

И я осталась одна.

...Я не стану описывать эту ночь, скажу только, что матрас, судя по всему, был набит осколками камней, но я спала как убитая.

Я оставила свечу гореть. Только она давала хоть какое-то тепло в комнате.

Хотелось бы мне сказать, что мне снились Букшоу, отец, Фели и Даффи, но нет. Вместо них мой утомленный мозг наполнился образами ревущих морей, хлещущего дождя и Дорси Рейнсмит, превратившейся в альбатроса, который, взгромоздившись на верхушку мачты несомого бурей корабля, кричал на меня диким птичьим криком.

Я выбралась из этого беспокойного сна и обнаружила, что на моей груди кто-то сидит и сердито лупит меня кулаками по голове и плечам.

– Предательница! – рыдал чей-то голос. – Ты грязная мерзкая предательница! Предательница! Предательница! Предательница!

До рассвета было еще далеко, и слабого света уличного фонаря, просачивавшегося в комнату, было недостаточно, чтобы я могла разглядеть того, кто напал на меня.

Я собралась с силами и сильно дернулась.

С ворчанием и глухим ударом кто-то тяжело рухнул на пол.

– Черт тебя дери, ты что творишь? – завопила я, хватая подсвечник со стола. В качестве оружия он был лучше, чем ничего. Мерцающий огонек вспыхнул ярче.

Некто со свистом втянул воздух. В этом звуке мне послышалось удивление.

– Ты не Пинкхэм! – заявил голос во мраке.

– Конечно, я не Пинкхэм. Я Флавия де Люс.

Голос задохнулся.

– Де Люс? Ты новенькая?

– Да.

– О, проклятье! Боюсь, я совершила ужаснейшую ошибку.

Послышался какой-то шорох, и на потолке загорелся свет.

Передо мной, моргая от яркого света, стояло самое удивительное крошечное создание, которое мне только доводилось видеть: глаза удавленника, как выразилась бы Даффи, длинные, как у ящерицы, ноги, обтянутые мешковатыми черными шерстяными колготками под синей юбкой, составляющей часть помятой школьной формы. Ее тело, совершенно теряющееся на фоне этих длиннющих кривых ног, напоминало плоский шмат теста – небрежно слепленного имбирного человечка.

– Кто ты, черт возьми, такая? – возмущенно спросила я, перехватывая контроль над ситуацией.

– Коллингсвуд П. Э. П. Э. значит Патриция Энн. Боже мой, надеюсь, я тебя не слишком разозлила. Я думала, что это Пинкхэм. Правда! Совсем забыла, что ее переселили в «Лору Секорд» вместе с Бартон, потому что ей снились кошмары. По специальному разрешению.

– А что такого натворила Пинкхэм, чтобы заслужить подобное избиение? – я не собиралась позволить ей так легко отделаться.

Коллингсвуд покраснела.

– Я не могу тебе сказать. Она убьет меня.

Я заморозила ее фирменным голубым взглядом де Люсов – хотя на самом деле мои глаза имеют фиолетовый оттенок, особенно когда я сержусь.

– Колись, – потребовала я, с угрожающим видом поднимая свечу и делая шаг к своей гостье. В конце концов, я теперь в Северной Америке, стране Джорджа Рафта[4 - Джордж Рафт (1901–1980) – американский киноактер, известный ролями гангстеров.] и Джеймса Кэгни[5 - Джеймс Кэгни (1899–1986) – знаменитый американский киноактер, лауреат премии «Оскар». Воплощал в кино роли «плохих парней».] – в краях, где говорят по-простому.

Коллингсвуд разразилась слезами.

– Полно тебе, детка, – сказала я.

Полно тебе, детка?

Мои уши не могли поверить тому, что произнес мой рот. Всего пара часов в Канаде – и я уже изъясняюсь, словно Хамфри Богарт. Тут что-то в воздухе, что ли?

– Она наябедничала на меня, – призналась Коллингсвуд, утирая слезы школьным галстуком.

Они и правда тут так говорят. В конце концов, все эти послеобеденные часы с Фели и Даффи в кинотеатре в Хинли не прошли даром, как заявлял наш отец. Я выучила свой первый иностранный язык, и выучила его неплохо.

– Наябедничала, – повторила я.

– Директрисе, – добавила Коллингсвуд, кивая.

– Мисс Фолторн?

– Жене висельника, как мы ее называем. Только не проболтайся ей. Она творит совершенно невообразимые вещи, знаешь ли.

– Например?

Коллингсвуд глянула за спину, перед тем как ответить.

– Люди исчезают, – прошептала она, сжимая пальцы в пучок и затем быстро и широко раскрывая их, словно фокусник, демонстрирующий пустую ладонь. – Пуфф! Вот так! Бесследно.

– Ты дуришь меня, – сказала я.

– Да ну? – промолвила она, глядя на меня огромными влажными глазами. – А что же случилось с ле Маршан? Как насчет Уэнтворт? А что с Брейзеноуз?

– Разумеется, они все не могли просто так исчезнуть, – возразила я. – Кто-то должен был хоть что-то заметить.

– В том-то и дело! – воскликнула Коллингсвуд. – Никто не заметил. Я делала записи. Пинкхэм застала меня за этим. Вырвала записную книжку у меня из рук и отнесла ее мисс Фолторн.

– Когда это было? – спросила я.

– Вчера. Думаешь, они меня убьют?

– Конечно, нет, – ответила я. – Люди ничего такого не делают. По крайней мере, в реальной жизни.

Хотя я совершенно точно знала, что делают. И, по моему опыту, намного чаще, чем можно предположить.

– Ты уверена? – уточнила Коллингсвуд.

– Еще как, – соврала я.

– Обещай, что никому не скажешь, – прошептала она.

– Клянусь, – сказала я, по какой-то совершенно непонятной мне причине делая знак креста в воздухе.

Коллингсвуд нахмурилась.

– Ты католичка?

– С чего ты взяла? – спросила я, желая потянуть время.

На самом деле она угодила в точку. Пусть даже мы делали вид, что исповедуем англиканскую веру, мы, де Люсы, были католиками с тех пор, как Рим был не более чем семью живописными холмами в итальянской глуши. Даффи говорит, что душа необязательно находится там же, где и сердце.

– Вообще-то да, – добавила я.

Коллингсвуд присвистнула сквозь зубы.

– Я так и думала! Наши соседи дома в Ниагара-он-те-Лейк, Коннолли, они тоже католики. Они так же шевелят пальцами, как и ты только что. Это знак креста, верно? Мне так говорила Мэри Грейс Коннолли. Что-то вроде магии. Она заставила меня пообещать, что я никому не скажу. Но послушай! Что ты здесь делаешь? Мисс Бодикот...

– Я знаю, – перебила я. – Она была настолько англиканка, что ей хватило бы кухонной табуретки, чтобы вознестись на Небеса.

Где же я это слышала? Никак не припомню. От тетушки Фелисити? Наверняка не от отца.

– Но ты не должна так говорить, – сказала мне Коллингсвуд. – Иначе тебя освежут заживо.

– Мы, католики, были мучениками со времен изобретения огня, – отозвалась я. – Мы привыкли.

Наглость с моей стороны, но я не могла сдержаться.

– Твой секрет умрет вместе со мной, – поклялась Коллингсвуд, зашивая себе губы невидимыми иголкой и ниткой. – Его не вырвут из меня и дикими лошадьми.

Последнее предложение прозвучало как-то вроде: «Мугу не мымрут ым мэмэ и мымымы мымымы».

– Это не секрет, – ответила я. – На самом деле мы этим гордимся.

В этот самый миг в дверь загрохотали с такой силой, что я подумала, вот-вот щепки полетят, и чуть не дала дуба от страха.

– Открой! – повелительно приказал голос – голос, который я впервые услышала совсем недавно, но уже хорошо запомнила.

Мисс Фолторн.

– Выключи свет, – прошептала Коллингсвуд.

– Бесполезно, – прошептала я в ответ. – Дверь все равно не заперта.

– Нет. Я закрыла ее, когда проникла внутрь.

Она на цыпочках прокралась к выключателю и погасила лампу. Я задула свечу, и мы погрузились во мрак.

Ну, почти во мрак. Через несколько секунд я обратила внимание, что с улицы в комнату проникает слабый свет.

– Что мне делать? – спросила она. – Нам не разрешается ходить друг к другу в комнаты после наступления комендантского часа. Меня накажут.

Я осмотрела комнату в неверном свете электрических сумерек. Если не считать очевидные места – кровать и шкаф, прятаться было негде, если только она не может просочиться за обои.

Однако надо отдать Коллингсвуд должное – она сообразительна. Одним прыжком она влетела в камин, скорчившись под каминной полкой, и каким-то образом пролезла в трубу. Только ноги мелькнули, эти длинные ноги ящерицы, затянутые в черное, они наступили на металлическую подставку для дров и исчезли в дымоходе.

Я бы не поверила, если бы не видела это собственными глазами.

Отчаяние творит чудеса.

– Открой! – повторил голос. – Я знаю, что ты там.

Дверь сотряс новый шквал стука – еще более громоподобный, чем в первый раз. Если вся академия до сих пор не проснулась, сейчас это точно произошло.

Наверняка дюжины девочек сели в своих кроватях, подтянув простыни к подбородкам и широко распахнув глаза в темноте.

Воцарившееся следом мертвое молчание внушало еще больший ужас, чем сам стук.

– Немедленно открой дверь! – приказала мисс Фолторн. – Или я позову мистера Тагга и он снимет петли!

Я на цыпочках подошла к двери, повернула ключ и распахнула дверь.

– Что такое? – спросила я, моргая и протирая глаза. – Пожар? Я спала.

– Бесполезно, девочка, – объявила мисс Фолторн. – В комнате горел свет. И здесь кто-то разговаривал.

– Мне приснился кошмар, – сказала я. – Наверное, дело в том, что я далеко от дома и всякое такое. Я часто разговариваю во сне.

– Неужели, – промолвила мисс Фолторн. – А еще ты включаешь электрический свет во сне?

– Нет, – ответила я. – Но я не поняла, где нахожусь, когда проснулась. Я была сбита с толку.

Очень смело пытаться пробовать новые трюки, когда тебя поджаривают на сковороде, но я была в отчаянии. «Сбита с толку» – это предлог, которым однажды воспользовалась Даффи, застигнутая отцом на месте преступления, когда она пыталась своровать рождественский пирог из кладовой.

«Я была сбита с толку», – заявила она, и отец ей поверил. На самом деле поверил ей!

Я бросила быстрый взгляд за спину, включая лампу, и комнату залил резкий яркий свет.

– Никакого электричества! – сказала мисс Фолторн, потянувшись рукой мимо моего лица и немедленно выключая свет. – Комендантский час означает, что свет выключен, глупышка!

Это была последняя капля в чаше моего терпения. Как в случае с Райерсоном Рейнсмитом, обозвавшим меня мокрой крысой, эта соломинка переломила хребет верблюду. Неделя вдали от дома – и список кандидатов на отравление уже вырос до двух человек – даже троих, если считать унылую Додо.

Мисс Фолторн откуда-то извлекла коробку бумажных спичек. Серьезно глядя мне в глаза, она зажгла одну и поднесла к свече. Довольно впечатляющий пример координации глаз-рука.

– Итак, – произнесла она, пронзая меня взглядом, будто бабочку, приколотую булавкой к коробке с образцами. – С кем ты разговаривала?

Я поняла, что мы будем торчать тут, пока не взойдет солнце или пока я не отвечу. Мисс Фолторн определенно из людей такого склада.

– С собой, – призналась я, отводя взгляд в сторону. – Боюсь, иногда я разговариваю сама с собой, когда расстроена. Это мой ужасный недостаток. Я пытаюсь приучить себя не делать этого.

Я зря сотрясаю воздух, и это я поняла, еще не договорив.

Теперь мисс Фолторн медленно осматривала комнату, по-совиному вращая головой. Я лениво подумала, при каком градусе поворота она щелкнет и отвалится.

Весьма невеликодушно с моей стороны, но я надеялась на это.

Я не осмеливалась взглянуть в сторону камина, чтобы не выдать Коллингсвуд. Я скромно уставилась на свои ноги.

– Посмотри на меня! – скомандовала мисс Фолторн, и я медленно подняла взгляд, встречаясь с ней глазами.

Кажется, я на грани того, чтобы разрыдаться.

Следующие ее слова шокировали меня до глубины души.

– Бедная малышка Флавия, одинокая и несчастная, – сказала она, приподнимая мой подбородок указательным пальцем, ласково глядя в мои глаза и криво улыбнувшись.

Что я могла подумать? С тем же успехом она могла залепить мне пощечину. Тогда я хотя бы знала, как поступить.

Но это неожиданное сочувствие застало меня совершенно врасплох. Потопило мой корабль, так сказать. Кажется, это морской термин. Я не знала, что ответить.

Когда я поднимала голову, чтобы взглянуть ей в глаза, мой сверхъестественно острый слух, унаследованный от Харриет, моей матери, уловил шорох в камине. Даже не глядя в ту сторону, я определила по звуку, что на каминную решетку падает сажа. Тренированное ухо определит это без ошибки.

Мисс Фолторн – хвала всем святым! – ничего не заметила. Ее органы слуха были старше моих и явно стали менее чуткими со временем.

Я вознесла немую благодарственную молитву за мое избавление, но тут внезапно раздался шум и пронесся порыв холодного воздуха. Из каминной трубы что-то вылетело и грохнулось посреди комнаты с тошнотворным глухим ударом.

Свеча погасла, и мы снова оказались в темноте.

Мисс Фолторн, надо отдать ей должное, снова зажгла ее за считанные секунды. Должно быть, она не успела убрать спички в карман.

На ковре, распростершись, лежала Коллингсвуд, ее лицо и руки были черны, как у трубочиста, а распахнутый красный рот и белки глаз делали ее похожей на

демона, исторгнутого из ада.

Рядом с ней нечто, сначала показавшееся мне обгорелым бревном, все еще продолжало медленно катиться в нашу сторону, разворачиваясь, словно рулон туалетной бумаги. Это был выцветший и покрытый сажой «Юнион Джек», в который было что-то завернуто.

Должна заявить, что я совершенно не боюсь оказаться в темноте в одной комнате с трупом. На самом деле, скорее наоборот. Я дрожу не от страха, а от возбуждения.

Когда сверток развернулся, из него выкатился череп, остановившись у моих ног.

В свертке оказалось почерневшее и иссохшее человеческое тело, и я сразу же поняла, что человек мертв уже какое-то время.

Довольно продолжительное.

Глава 3

Немая сцена: мы четверо – я, мисс Фолторн, Коллингсвуд и труп – одинаково неподвижные.

Именно это наши викторианские предки именовали живыми картинами: застывшие позы, в которых участники не шевелят ни единым мускулом; миг, когда время замирает; мгновение, когда вечность останавливается, чтобы перевести дух, перед тем как устремиться дальше и унести нас в будущее, которое уже не отменить.

Потом Коллингсвуд разразилась рыданиями: длинными низкими протяжными всхлипываниями, которые угрожали перейти в завывания.

В сверкании свечи лицо мисс Фолторн побелело. Из нас четверых спокойствие сохраняли только труп и я.

Я никак не могла дожидаться, чтобы зажгли электрический свет и можно было хорошенько все рассмотреть.

За свою жизнь мне довелось повидать изрядное количество трупов, и каждый следующий был интереснее и поучительнее предыдущего. Если я не ошибаюсь, это номер семь.

Даже в гаснущем пламени свечи по хрупкому скелету и тонким запястьям я определила, что труп определенно женский. Из-за закопченного черепа и жуткого оскала он напоминал свежераспеленутую мумию.

Годы в каминной трубе превратили ее в копченость.

Не самая подходящая мысль, но именно об этом я подумала, скажу честно.

Мы не всегда можем гордиться нашей первой реакцией, но по личному опыту я знала, что к тому времени, когда мне начнут задавать вопросы, я уж изобрету более приемлемую версию, чтобы казаться паинькой. Именно так работает человеческий мозг.

Во всяком случае, мой.

Время снова тронулось с места, но совсем медленно, как и бывает в подобных обстоятельствах. Мисс Фолторн еле шевелилась, словно муха в меду. Вечность спустя она включила верхний свет.

– Коллингсвуд! – произнесла она голосом слишком спокойным, чтобы он мог показаться успокаивающим. – Что ты наделала?

А Коллингсвуд, черная, словно трубочист, раскачивалась на деревянном полу взад-вперед, охватив колени руками и причитая, вернее, завывая, – издавая жуткие первобытные звуки, от которых волосы становились дыбом.

Нечеловеческое зрелище.

Если бы это был фильм, кто-нибудь дал бы ей пощечину и привел в чувство, но я не отважилась.

Я опустилась на колени и обняла ее.

– Принесите воды, – услышала я приказ, который мой рот отдал мисс Фолторн. – И бренди. Скорее! У нее шок.

Мисс Фолторн начала было что-то говорить, но передумала и выплыла из комнаты.

Я стащила одеяло с кровати и набросила его на плечи Коллингсвуд.

Потом я накрыла труп и череп простыней, но сначала хорошенько рассмотрела скорбные останки.

Само небо предоставило мне эту возможность в отсутствие мисс Фолторн. Второго шанса у меня не будет.

Как я уже сказала, тело почернело и прокопtilось. Флаг, в который оно было завернуто, послужил чем-то вроде банановых листьев, которые используют для запекания рыбы уроженцы кое-каких отдаленных форпостов Империи (вроде Индии).

Череп был черен как ночь, безволос и лишен кожи. Сжатые кулаки были сложены под тем местом, где раньше находился подбородок, как будто Смерть застала свою жертву во сне. В одной ладони находилось что-то вроде потускневшего медальончика.

Я завернула его в носовой платок и сразу же припрятала в карман – пока не успела вернуться мисс Фолторн. Слава богам, надоумившим меня лечь спать одетой!

Одежда на трупе слишком пострадала и обгорела, чтобы ее можно было идентифицировать. Это могли быть равно и лохмотья нищенки, и наряд сказочной принцессы.

Смерть от запекания не слишком красива.

Или она погибла от чего-то другого? И в другом месте?

Мой мозг заработал, как фотоаппарат полицейского, мысленно и тщательно делая снимки: крупный план черепа, почерневшие зубы, ладони, ступни (босые, если не считать половинку обгоревшего шерстяного носка).

Я оттянула его на дюйм-другой от сморщенной черной щиколотки и по внутренней структуре определила, что изначально носок был красным.

Этот осмотр осложнялся тем, что Коллингсвуд теперь начала завывать, словно пожарная сирена, выводя нервирующие рулады.

– Все хорошо, – говорила я ей снова и снова, не отводя при этом глаз от трупа. – Все в порядке. Мисс Фолторн сейчас вернется.

Подумать только, Коллингсвуд запричитала, как выразилась бы Даффи, еще пуще.

Откровенно говоря, она начала мне надоедать.

– Заткнись! – велела я. – У тебя слюни текут.

Любой человек, имеющий старшую сестру, скажет вам, что нет более быстрого способа прекратить рыдания представительницы женского пола неважного какого возраста, чем сказать ей про слюни.

Так что я не удивилась, когда Коллингсвуд внезапно умолкла.

– Что... что... это? – спросила она, как можно скорее отползая от накрытого простыней тела.

– Птичка. Довольно большая. Наверное, аист. Или ибис.

Допускаю, что это изрядное преувеличение. Даже для меня. Очевидно, что у закопченного черепа нет длинного кривого клюва. Но у мумифицированных птиц, которых я видела в Музее естественной истории, его тоже не было. Их клювы приматывались к груди из соображений аккуратности и стремления

облегчить работу их давно почивших бальзамировщиков.

– Как аист мог попасть в дымоход?

– Такое все время случается, – ответила я. – Во время родов. Об этом просто не пишут, потому что это так печально. Что-то вроде негласного газетного правила.

У Коллингсвуд отвисла челюсть, но я так и не узнала, что она собиралась сказать, потому что в этот самый момент мисс Фолторн вернулась со стаканом вина и графином, в котором, видимо, был бренди.

– Выпей, – велела она Коллингсвуд, и та удивительно послушно осушила стакан и отпила из графина.

– Боюсь, она перебудила весь дом, – сказала мисс Фолторн, бросив взгляд сначала на часы, а потом на меня. – Ладно, это неважно. Все равно надо вызвать полицию. Не то чтобы...

Раздался стук в дверь.

– Кто там? – спросила мисс Фолторн.

– Фицгиббон, мисс.

Мисс Фолторн испуганной газелью подскочила к выключателю.

– Мы не должны подавать плохой пример, – прошептала она. – Свет должен быть выключен.

И мы снова погрузились во мрак.

Но лишь на несколько секунд. Потом вспыхнула спичка и мисс Фолторн зажгла свечу.

– Входите, – сказала она, и дверь открылась.

Сначала я увидела только круглые стекла очков Фицгиббон, свободно парящие в воздухе. Она шагнула внутрь, потом застыла и внезапно оказалась в окружении бестелесных девичьих лиц, заглядывающих ей через плечо.

Очень странно, но в этот миг я вспомнила знаменитую цитату из Святого Луки, описывающую рождение Христа. Кажется, она гласила следующее: «И вдруг рядом с ангелом предстало небесное воинство, восхвалявшее Бога: – Слава Богу в вышних небесах! Мир на земле людям, которых Он возлюбил!»

(Хотя в Библии, по крайней мере, в версии короля Якова, по каким-то причинам, ведомым только переводчикам и самому королю, нет кавычек[6 - Любознательный переводчик выяснил, что кавычки в Библии короля Якова не ставились по двум причинам: 1) потому что их не употребляли в текстах, написанных на иврите и на древнегреческом языке, и читатель мог по контексту понять, где прямая речь, а где нет, 2) в цитатах кавычки не ставились, потому что не было уверенности, что цитаты дословные.]).

До сих пор перед моими глазами стоят бледные лики этих херувимов и серафимов, витающие в тенях позади застывшей Фицгиббон: учениц женской академии мисс Бодикот.

Моих однокашниц.

Так они впервые меня увидели, а я увидела их.

– Ступайте прочь, девочки, – скомандовала мисс Фолторн, несколько раз хлопая в ладоши.

И, словно послушные марионетки, которых сдернул со сцены злой кукольник, они исчезли.

– Проводите Коллингсвуд в ее комнату и уложите в постель, – приказала мисс Фолторн Фицгиббон. – У нее шок.

А у меня, по ее мнению, нет шока?

Словно негнувшийся робот, Фицгиббон подняла Коллингсвуд с пола вместе с одеялом и повела к выходу.

– Молодец, Флавия, хорошая идея с простыней, – произнесла мисс Фолторн, когда они ушли, и пронзила меня взглядом поверх свечи. – Отличное начало для тебя. – И добавила: – Если не считать того, что ты впустила Коллингсвуд. Вы обе должны быть наказаны.

Наверное, мне следовало сказать, что Коллингсвуд пришла непрошеным гостем и что, поскольку я спала, то вряд ли могла ей помешать. Не говоря уже о том, что я новенькая и мне еще не сказали об этом идиотском правиле.

Но я придержала язык.

Именно такие решения, к добру или не к добру, делают тебя тем, кто ты есть.

Вместо слов я приподняла уголок простыни.

– Нет! Не надо! Пожалуйста! – воскликнула мисс Фолторн, и я отпустила ткань.

Что плохого в том, чтобы взглянуть на труп еще разик? В этот момент я понимала, что другого шанса не будет.

Как правило, когда обнаруживаешь тело, ты получаешь роскошную возможность изучить его вблизи до того, как полиция вломится, словно коровы на пастбище. Но не всегда – и это явно один из таких случаев. Я увидела все, что хотела. Все улики уже у меня в голове.

Правда, я подумала, что мисс Фолторн захочет узнать как можно больше о трупе, который до недавнего времени обитал в ее дымоходе.

Или она уже знает?

Я стояла с суровым видом, давая ей возможность совладать с собой.

– Полагаю, мне надо сообщить в полицию, – повторила она, будто размышляя вслух, будто ее заставляют. Возможно, она думала о репутации своей академии.

Мне уже мерещились заголовки:

Жареный труп в камине

Тело в академии мисс Бодикот

Женская академия объята ужасом!

Если канадские газеты хоть немного напоминают английские, нас ждут веселые деньки.

– Но ты, должно быть, совершенно без сил! – сказала она. До этого момента я ничего такого не чувствовала. Шесть суток в океане и целый день в поезде – не говоря уже о том, что сейчас глухая ночь...

Слова мисс Фолторн оказали на меня гипнотическое воздействие. Внезапно я начала зевать, чуть не сворачивая челюсть, и в глаза словно песка насыпали.

– Разумеется, ты не можешь спать здесь, – добавила она, махнув рукой в сторону прикрытого простыней трупа на полу. – Я устрою тебя в своей гостиной.

На миг мне привиделось, как мисс Фолторн приколачивает мою отрубленную голову к стене, словно я трофеем – дикий зверь, подстреленный ею в Африке или на просторах Арктики.

– Что ж, пойдем, – сказала она, освещая дорогу свечой.

Электрические лампочки остались выключенными.

Я поняла, что в академии мисс Бодикот правила есть правила.

Даффи обрадовалась бы моей проницательности.

Никогда бы не подумала, но я скучаю по своей сестрице. С неожиданной болью в сердце я осознала, что она была лимоном для моей рыбы, соусом для чипсов и что без нее моя жизнь будет не такой приятной. Странная мысль в странное время, но жизнь вообще странная штука. По крайней мере, моя.

«Держись, Флавия, – подумала я. – Держись».

Мы шли по обшитому панелями коридору, и мисс Фолторн указывала дорогу.

– Это галерея наших выпускниц, – сказала она, поднимая свечу повыше, чтобы я разглядела длинные ряды фотографий в черных рамках, висевшие на стенах.

Они возвышались над нами ряд за рядом, поблескивая в свете свечи: самые разные лица, и я снова подумала о мириадах ангелов.

Что же, мне говорили, что у мисс Бодикот тесные связи с церковью, не так ли?

Но ничто не подготовило меня к зрелищу бесчисленного количества этих заключенных в черные рамки душ, каждая из которых смотрела прямо на меня – и ни одна не улыбалась, как будто все они – торжественный небесный суд, а я – пленница за решеткой.

– А вот, конечно же, – добавила мисс Бодикот, – твоя мать.

Она могла бы и предупредить меня заранее. Я оказалась не готова.

Там была Харриет в своей черной рамке, смотревшая на меня таким взглядом...

На этом юном лице – моем лице! – было написано все, что стоило сказать, а ее взгляд говорил то, что никогда не было произнесено.

Прямо под фотографией Харриет находился маленький подсвечник, и в нем стоял поразительно свежий букетик цветов.

Неожиданно я задрожала.

Мисс Фолторн ласково положила руку мне на плечо.

– Прости, – промолвила она. – Я не подумала. Мне следовало подготовить тебя.

Секунду мы постояли в молчании, как будто мы одни остались в катакомбах, где больше нет живых.

– Ее здесь очень уважают, – добавила мисс Фолторн.

– Ее везде очень уважают, – сказала я, может быть, слишком резко. И почти сразу же осознала, что в моих словах заключалось некоторое сопротивление. И я сама себе удивилась.

– Они все умерли? – спросила я, указывая на портреты, отчасти чтобы сменить тему и отчасти чтобы показать, что не испытываю никаких тяжелых чувств.

– Боже мой, нет, – сказала мисс Фолторн. – Эта стала чемпионкой по плаванию... Эта, Нэнси Северанс, кинозвездой... Может, ты о ней слышала. Это жена премьер-министра... а эта... ну... в своем роде она тоже стала знаменитой.

– Это то, чего я хочу, – заметила я. – Стать знаменитой в своем роде.

Наконец-то я осознала и сформулировала свою цель.

Флавия де Люс. И точка.

– А кто это? – поинтересовалась я, указывая на необыкновенную девушку, загадочно поглядывающую на нас из-под капюшона.

– Миссис Баннерман до сих пор с нами в академии мисс Бодикот, – ответила она. – Ты познакомишься с ней завтра. Она наша преподавательница химии.

Милдред Баннерман! Конечно же! Много лет назад ее обвинили в убийстве «заблудшего мужа» и после сенсационного суда оправдали, что было напечатано во «Всемирных новостях».

Обвинение заявило, что она покрыла ядом лезвие ножа, которым он разрезал рождественскую индейку.

Трюк старый, но действенный: в III веке до Рождества Христова жена персидского царя Дария II Парисатис точно таким же образом отравила свою невестку Статиру.

Намазав ядом только наружную сторону ножа и подав Статире первый кусок, она смогла прикончить свою жертву и при этом угоститься сама без всякого риска для себя или с минимальным риском.

Вот что значит и птичку съесть, и косточкой не подавиться.

Благодаря поразительной удаче и еще более поразительному защитнику Милдред Баннерман избежала виселицы, да еще и явилась суду в образе подлинной жертвы преступления.

Только подумать, через несколько часов я с ней познакомлюсь!

Мы шли по бесконечному лабиринту темных коридоров целую вечность, но наконец мисс Фолторн остановилась и достала ключи.

– Это мои покои, – сказала она, включая свет.

Судя по всему, правила к ней не относились.

– Ты можешь лечь спать на этом диване, – сказала она, указывая мне на черное чудище, обитое стеганой кожей. – Я принесу тебе подушку и одеяло.

С этими словами она ушла, оставив меня посреди гостиной – комнаты, пахнувшей холодным, безмолвным несчастьем.

Чувствую ли я флюиды бывших учениц, наказанных здесь за включение электрического света после комендантского часа?

Я вспомнила слова из «Николаса Никльби», которые нам вслух зачитывала Даффи, слова школьного учителя Уэкфорда Сквирса: «Пусть только какой-

нибудь мальчишка скажет слово без разрешения, и я шкуру с него спущу».

Но нет, девочек не били палками, сказала мне Даффи. Для них уготованы намного более изысканные пытки.

Вернулась мисс Фолторн с подушкой и шотландским пледом.

– Теперь спи, – сказала она. – Постараюсь не беспокоить тебя, когда вернусь.

Она выключила свет, и дверь закрылась за ней с леденящим щелчком. Я прислушалась в ожидании звука, когда повернется ключ в замке. Но даже мой острый слух уловил только звук ее удаляющихся шагов.

Она направляется в свой кабинет, чтобы вызвать полицию. Это точно.

Я напрягла мозг в поисках вариантов, как бы мне оказаться в «Эдит Клейвелл» в момент, когда снимут простыню и откроют тело.

Быть может, я могу войти с видом лунатика, потирая глаза и рассказывая историю, что я хожу во сне; или что мне отчаянно нужен стакан холодной воды, потому что у меня некая наследственная тропическая болезнь.

Не успев приступить к воплощению какого-либо из этих планов, я уснула.

Конечно, мне приснился Букшоу.

Я ехала на «Глэдис», моем велосипеде, по длинной каштановой аллее. Даже во сне я думала, как же чудесно слышать поющего жаворонка и ощущать аромат раздавленных ромашек на заброшенной южной лужайке. Это и еще запах приходящего в упадок старого дома.

У парадной двери меня ждал Доггер.

– Добро пожаловать домой, мисс Флавия, – сказал он. – Мы по вас скучали.

Я проехала мимо него в вестибюль и затем вверх по восточной лестнице – и это демонстрирует, какими нелепыми могут быть сны. Хотя я съезжала на велосипеде вниз по ступенькам, я никогда, никогда не была замечена в езде вверх.

В химической лаборатории эксперимент был в разгаре. Мензурки побулькивали, в колбах что-то кипело, и разноцветные жидкости важно текли туда-сюда по стеклянным трубкам.

Хотя я не могла вспомнить цель этого эксперимента, я с нетерпением ожидала результат.

Я запишу в своем дневнике: от гипотезы к выводу, и изложу все так аккуратно и подробно, что даже идиот сможет проследить ход моей блестящей мысли.

Химические журналы будут драться за право опубликовать мой труд.

И все же в этом сне ощущалась неопишуемая печаль: печаль, которая бывает, когда голова и сердце не могут прийти к согласию.

Одна половина меня была переполнена счастьем. Другая – хотела заплакать.

Когда я проснулась, где-то звонил колокольчик.

Глава 4

Мои глаза отказывались открываться. Такое ощущение, что, пока я спала, кто-то их заклеил.

– Поторопись, – говорил голос мисс Фолторн. – Уже прозвенел звонок.

Я уставила на нее затуманенный взор.

– Твоя форма на стуле, – продолжила она. – Одевайся и спускайся к завтраку. На столе стоит кувшин. Умойся. Почисти зубы. Постарайся выглядеть презентабельно.

И с этими словами она ушла.

Как человек может быть таким переменчивым? – удивилась я.

Видимо, настроение этой женщины привязано к некоему внутреннему флюгеру, который беспорядочно крутится во все стороны. В один миг она почти нежна, а в следующий превращается в старую каргу.

Даже непостоянная Даффи, от которой я узнала эти умные слова, ни в какое сравнение не шла с этим циклоном.

Старый диван, набитый конским волосом, застонал, когда я сначала села, а затем встала на ноги. Моя спина ныла, колени онемели, шея болела.

Я уже предчувствовала, что это не будет красный день календаря.

Я заставила себя втиснуться в школьную форму, приготовленную мисс Фолторн: нечто вроде темно-синего шерстяного платья без рукавов с плиссированной юбкой, черные колготки, белую блузку. Венчали весь этот ужас галстук в диагональную желто-черную полоску – школьных цветов – и темно-синий блейзер.

Я скривилась, разглядывая свое отражение в серебряном чайном сервизе, стоявшем на приставном столике. Жуть, да и только! Я похожа на какую-нибудь леди в мешковатом купальном костюме со старых викторианских фотографий.

Я цапнула кусочек сахара и запила его кисловатым молоком из кувшина.

Жизнь – это боль! – подумала я.

И тут я вспомнила о трупe в комнате наверху и сразу приободрилась.

Приходила ли ночью полиция? Наверняка.

Вряд ли ситуация позволяет мне задавать вопросы, но ведь никто не запрещал держать глаза открытыми и уши на макушке, не так ли?

...Я волновалась, что на меня будут пялиться, но никто даже не обратил внимания, когда я осторожно двинулась вниз по лестнице и притормозила на площадке. Откуда-то из глубины дома доносился шум девичьих голосов, одновременно разговаривавших и смеявшихся.

Не скажу, что моя кровь заледенела, но мне и правда стало не по себе. Общение с толпой – не самая сильная моя сторона: факт, который я окончательно осознала, когда меня исключили (несправедливо) из организации девочек-скаутов.

Мой случай обсуждался повсюду от кухни викария до солидного, обшитого панелями зала заседаний в лондонской штаб-квартире организации.

Но бесполезно. Кости, как кто-то там сказал, были брошены.

Я с горечью вспомнила, как мисс Делани сорвала нашивки с моих рукавов, а остальных девочек-скаутов заставили скандировать в унисон: «Позор! Позор! Позор! Позор!.. Позор! Позор! Позор! Позор!»

В этот миг я поняла, как сыны Израиля чувствовали себя, когда Бог изгнал их.

Долой патруль «Алый первоцвет»! И к черту их девиз: «Твори добро тайком». Я делала все, что могла, чтобы соблюдать этот их завет, но вряд ли моя вина, что все полетело в тартарары.

Судьба любит мелкие просчеты, как впоследствии сказал мне викарий, и воистину так. Никогда не искуплю я свои грехи.

– А ну-ка пошевеливайся, – сказала, прикоснувшись к моей руке, невысокая коренастая девочка, на носу которой красовались очки в черной оправе.

Я аж подпрыгнула от неожиданности. Эх, нервы ни к черту.

– Извини, – добавила она. – Я не хотела тебя пугать, но в Бодс пунктуальность превыше всего. В переводе на человеческий язык это означает, что если ты опоздаешь на завтрак, с тебя сдерут шкуру и приколотят ее гвоздями к двери чулана.

Я благодарно кивнула и продолжила спускаться по лестнице следом за ней.

– Де Люс Ф. С., – представилась я, воспользовавшись формулой Коллингсвуд.

– Знаю, – сказала девочка. – Мы уже наслышаны о тебе.

Я последовала за ней в большой зал – огромное помещение под скатной крышей из темного дерева; средневековый коровник с длинными столами. Шум оглушал.

Несколько суетливых раздатчиц еды, одетых в белое, раскладывали щедрые порции каши по тарелкам.

Я уселась с краю одного из столов и начала жадно поглощать завтрак.

При этом я осторожно осматривала помещение, делая вид, что вовсе этим не занимаюсь. Я новенькая, так что открыто пялиться – неприлично. Не то чтобы меня это сильно беспокоило...

Однако важно было не привлекать к себе внимания. Есть вероятность, что убийца жертвы в моем дымоходе сейчас находится в этой самой комнате.

Мне придется начать расследование на пустом месте. Я огляделась в поисках Коллингсвуд, но ее нигде не было. Наверное, ей разрешили отдохнуть после испытаний минувшей ночи.

Поскольку большинство девочек уткнулись в свои тарелки, рассмотреть их лица было нелегко. Я заметила, что за едой они продолжают быстро переговариваться, едва шевеля уголками ртов, отчего мне сложно было прочитать по губам – умение, которым я обладаю. Кроме того, мне не хотелось рассматривать их открыто.

Не требовалось особенной сообразительности, чтобы догадаться, какую сенсационную новость они обсуждают. В воздухе повис возбужденный гул.

Девочка постарше, сидевшая через два стола от меня, локтем толкнула свою соседку и указала подбородком на меня. Когда они обе увидели, что я их заметила, они быстро отвернулись.

Преподавательский состав, куда входили только женщины, сидел на возвышении в дальнем конце зала, взирая на пасущихся девиц.

В центре главного стола восседала мисс Фолторн. Склонив голову и сдвинув брови, она разговаривала с моложавой женщиной с прилизанными короткими черными волосами.

Порой случаются редкие бесценные моменты, когда ты не знаешь ни одного из присутствующих и можешь изучать без предубеждения или почти без предубеждения. Не зная даже их имена, можно создать мнение, основываясь исключительно на наблюдениях и ощущениях.

С первого взгляда можно было сказать, что все преподавательницы женской академии мисс Бодикот адски серьезны. Ни капли фривольности: ни смеха, ни губной помады.

Даже за едой они тихо переговаривались между собой с серьезностью суровых судей, несущих на своих плечах бремя правосудия.

Может ли кто-то из них оказаться убийцей?

В качестве простого упражнения я попыталась угадать, какие предметы они преподают.

Женщина с короткими седыми волосами, сидящая в дальней правой части стола, почти наверняка преподавательница французского. Ее рот с приподнятыми уголками, напоминающий лук Купидона, и этот особенный легкий изгиб ноздрей выдают человека, который говорит по-французски с колыбели. Ни одна англичанка не в состоянии так складывать губы во время разговора. Мне это стало известно в ходе наблюдений за мисс Леннокс – Шанталь Леннокс,

живущей по соседству с домиком викария в Бишоп-Лейси. Муж Норман привез ее в Англию в качестве своего рода военного трофея.

Она жила на Монмартре и произносила это название в нос.

Рядом с ней сидела женщина с высокими скулами и рублеными чертами лица, ее окружала аура одиночества, и казалось, будто она существует в своем отдельном мире, под невидимым стеклянным колпаком.

«Печальная, – подумала я. – Одинокая и непопулярная».

Если судить по ее лицу, я первым делом подумала, что это Милдред Баннерман, оправданная мужеубийца. (Полезное слово, означающее «убийца мужа», которому меня научила Даффи.)

Но нет. Только вчера я видела школьную фотографию мисс Баннерман в галерее выпускниц. Не могла она постареть и превратиться в такую гарпию.

Мои глаза двигались вдоль стола и справа от мисс Фолторн наткнулись на милое личико эльфа: самая молодая преподавательница в академии – это же она та девушка с фотографии? Она казалась не намного старше сестрицы Фели, которой всего восемнадцать.

«Должно быть, она выглядит моложе своих лет», – подумала я.

Не желая выдавать свой интерес, я наблюдала за ней уголком глаза, ликуя при мысли, что завтракаю вместе с убийцей. Милдред Баннерман, наконец-то!

Остальные не представляли собой ничего особенного: заурядный набор носов и подбородков, глаз и ушей.

– Добро пожаловать в Бодс, – раздался голос над моим ухом.

Это оказалась та самая девочка, с которой я обменялась рукопожатием на лестнице.

– Ван Арк, – представилась она. – Мы уже знакомы. Я буду за тобой немножко присматривать поначалу. Я староста.

Она неторопливо осмотрела зал, словно высматривая хищников.

Удовлетворившись тем, что сейчас мы в безопасности, она снова обратила внимание на меня.

– Скажи-ка, у тебя случайно нет сигаретки?

– Нет, – ответила я. – Не курю. А вам разрешают? Здесь?

Ван Арк хмыкнула.

– Конечно, нет. Мы прячемся в гальюне на третьем этаже.

– Не поняла?

– Гальюн. Нужник. Сортир. Белый друг...

– Параша, – добавила я.

– Параша! Ха! Хорошее словечко! – воскликнула она, подавившись кашей.

Ван Арк сотряс спазматический кашель, и ее лицо покраснело. Руки взлетели к горлу. Дыхание превратилось в хрипящее бульканье.

Я тут же поняла, что липкий комок каши перекрыл дыхательное горло ван Арк и что она в опасности.

Ее лицо уже начало темнеть.

Я вскочила на ноги и изо всех сил заколотила ее по спине – сначала ладонью, потом кулаками.

Нельзя было не заметить, что все окружающие, даже преподаватели, примерзли к своим стульям. Кроме меня, никто не шевелился. В зале воцарилось молчание.

Неожиданно ван Арк выкашляла отвратительный комок каши, и он с шумом плюхнулся на пол.

– Ты в порядке? – спросила я.

Она всасывала воздух огромными жадными глотками. Цвет ее лица прояснялся с каждой секундой.

Ван Арк скорчила гримаску.

– Нет, – прокаркала она, – но я справлюсь... Таков обычай. Старостам не позволено болеть.

Я уставилась на нее неверящими глазами. Это шутка?

– Если мы хотя бы насморк подцепим, с нас шкуру сдерут.

Она увидела, что я ей не поверила.

– Это правда, – прошептала она. – У них есть скотобойня. За шкафом в лазарете есть потайная дверца.

– И там с потолка свисают окровавленные крюки, – включилась я в игру.

Рыбак рыбака видит издалека. У нас с ван Арк намного больше общего, чем я могла подумать.

– Именно! – ответила она. – Мясные крюки и подставки с мясницкими ножами. А цыплятам они скормливают солому.

– Или то, что у них остается от приготовления каши, – добавила я, засовывая в рот полную ложку варева и с наслаждением его пережевывая.

Ван Арк втянула воздух, и ее глаза стали большими, как блюдца.

– О-о-о! – сказала она. – Как омерзительно!

И я поняла, что произвела на нее впечатление.

Тут ван Арк схватила салфетку и начала утирать мне губы, как будто я измазалась кашей.

– Ш-ш-ш, – сказала она, прикрывая рот и делая вид, что покашливает. – Дрюс наблюдает за нами. Она умеет читать по губам.

Как ни хотелось мне похвастаться моими собственными достижениями на этой ниве, я быстро приняла решение придержать пару трюков при себе. Иногда молчание – золото.

Через два стола от нас крупная девица, та самая, которая толкала соседку локтем, – должно быть, это и есть Дрюс, – открыто пялилась на нас.

Во всем зале на нас смотрела только она. Все остальные старательно отводили глаза, как всегда делают протестанты, когда сталкиваются с коллективным замешательством. Я заметила эту черту еще в детстве, и как мне кажется, она связана с известной страусиной реакцией. Католики, наоборот, расталкивали бы других, чтобы оказаться в первых рядах.

– Пойдем-ка отсюда, – предложила ван Арк. – Мне нужен глоток свежего воздуха. Давай. У нас есть еще несколько минут до следующего звонка.

Когда мы отодвинули стулья, я намеренно повернулась в сторону Дрюс и, делая вид, что разговариваю с ван Арк, четко проартикулировала слово «прелюбодейка».

Это мое любимое слово из Шекспира. Не такое длинное, как «диффамацировать» из «Бесплодных усилий любви», которому я отдавала предпочтение прежде, однако же достаточно сложное, чтобы дать понять Дрюс: когда дело доходит до чтения по губам, она не с салагой имеет дело.

– У тебя точно нет сигареты?

Мы сидели на краю заброшенного каменного бассейна для золотых рыбок в маленьком дворике позади прачечной.

– Нет, – ответила я. – Я же тебе сказала. Я не курю. Это дурная привычка.

– Кто тебе сказал? – спросила ван Арк, подмигивая на манер моряка Попая и демонстрируя бицепсы.

Я поняла, что она шутит.

– Ладно, – сказала она. – А вот и Фабиан. У нее всегда есть заправка. Фабиан! Иди сюда!

Фабиан – высокая блондинка, похожая на финку: бледный холодный нордический тип. У нее на лице было слишком много пудры, как будто она пыталась скрыть кучу прыщей. Мне стало интересно, сослали ли ее из дома, как меня?

– Сколько? – спросила Фабиан, протягивая одну сигарету. Не стоило утруждаться и просить ее.

– Пять центов за пару, – ответила ван Арк.

– Три за десятицентовик, – возразила Фабиан, и сделка была заключена.

– Это просто грабеж среди белого дня, – заявила ван Арк, когда Фабиан ушла, и закурила сигарету. – Она тут только год и уже богата, как Крез. Она платит семнадцать центов за упаковку и имеет триста процентов прибыли. Нечестно.

Пять центов? Десять? Я знала, что цент примерно равен пенсу, но помимо этого канадская валюта была для меня тайной за семью печатями.

Зачем меня увезли за тридевять земель из страны шестипенсовиков – страны полукрон, полупенни, флоринов, фартингов и шиллингов? Страны нормальных денег, где все имело смысл?

Как я научусь выживать в этой языческой стране, где джемперы именуют свитерами, сахарные трубочки вафельными рожками, ластик резинкой, эстакады виадуками, а «будьте здоровы» означает «до свидания»?

На меня нахлынула ошеломляющая волна тоски по дому: выше штормовых волн Атлантики, которые я преодолела в целости и сохранности; больше всего, что я могла себе представить.

Я положила руку на камень, чтобы успокоиться.

– Ты в порядке? – обеспокоенно спросила ван Арк.

– Да, – вяло ответила я. И повторила более уверенно: – Да.

Одна только мысль об этой любопытной девице, расслабленно стоявшей рядом со мной и затягивавшейся сигаретой, придала мне силы. Если ван Арк смогла вмиг перейти от удушья к шуточкам и курению, я тем более смогу.

– Доброе утро, леди, – послышался голос за нашими спинами, и я подпрыгнула.

Я резко повернулась и увидела какого-то скользкого типа в потрепанном тренче – худого молодого человека с настораживающе бледным, изможденным лицом и неубедительными усиками.

– Ученицы, я полагаю? – поинтересовался он. – Парочка красоток мисс Бодикот?

– Убирайтесь, – сказала ван Арк, доставая никелированный свисток, – пока я не вызвала полицию.

– Эй, полегче. Не надо, – попросил он, извлекая влажный кожаный бумажник из недр своих обносок. Он открыл его и предъявил нечто вроде официального удостоверения.

– Уоллес Скруп, – представился он. – «Морнинг Стар». Не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

– Нам не разрешают общаться с журналистами, – ответила ван Арк.

– Послушайте, – продолжил он, игнорируя ее возражения. – Я слышал, что здесь водятся привидения. Это же старый монастырь... зловещие шаги по ночам и все такое. Я думаю, из этого можно было бы слепить любопытную историю. Ваши портреты даже могут напечатать в газете.

– Привидений не существует, или вы не в курсе, мистер Скруп? Ночные шаги в академии мисс Бодикот вызваны слишком большим количеством лимонада на школьном карнавале, а не призраками. А теперь, пожалуйста, уходите.

– Если я уйду, – ответил Скруп, – мой редактор вышвырнет меня, как ненужную тряпку. Ну девочки, проявите же великодушие. Будем честными. Что вы знаете о трупке, который доставили в морг прошлой ночью? Это кто-то, кого вы знаете? Послушайте, я вас отблагодарю.

Я глянула на ван Арк, но она совершенно не выглядела удивленной. Без предупреждения она сунула свисток в рот и издала длинный пронзительный свист. Долю секунды Уоллес Скруп выглядел так, будто ему залепили пощечину. А потом, хрипло выругавшись, он скрылся.

– Вот гад, – бросила ван Арк ему вслед, но он отошел слишком далеко, чтобы ее услышать.

Где-то в здании зазвенел звонок.

– Проклятье! – пробормотала ван Арк. – Черт возьми!

Она бросила сигарету на землю и раздавила ее каблуком.

– Давай, – сказала она. – Надо идти. Тебя определили в четвертый класс – по крайней мере, на первое время. Как я уже говорила, мисс Фолторн велела мне присматривать за тобой, пока она занимается формальностями. Сейчас у нее очень много дел – по крайней мере, так она говорит.

– Еще бы, – ляпнула я, думая, была ли ван Арк в числе тех ангельских физиономий, которые ночью парили в темноте. – Ты видела, что было в «Эдит Клейвелл» прошлой ночью?

Я возненавидела себя, стоило мне произнести эти слова. Обычно я не сплетничаю, но некая внутренняя сила внезапно заставила меня выплюнуть фрагмент информации, как автомат выплевывает билеты.

Считается ли, что я автоматически ниже по статусу, чем ван Арк, потому что я новенькая? Я очень надеялась, что нет.

– Нет, – ответила она. – Но я об этом слышала. Это уж точно!

Я ничего не сказала. Я давно научилась использовать молчание в целях добычи информации. Или я держала рот на замке, потому что мне до сих пор было нехорошо от тоски по дому? Никогда я этого не узнаю.

Но каковы бы ни были причины, я прикусила язык.

И это подействовало. Ван Арк не смогла совладать с желанием поделиться своими познаниями.

– Ходит слух, что мисс Фолторн обнаружила в «Эдит Клейвелл» тебя, стоящую над трупом, и Коллингсвуд в истерике. Я же говорила, тут о тебе наслышаны. А теперь поторопись, пока с нас не содрали шкуру и не нашили из нее ботинок.

Глава 5

Пока мы шли по темному коридору, который вел от черного входа в большой зал, звонок прозвенел еще раз.

– О черт, – прошептала ван Арк посреди неожиданной тишины, последовавшей за звонком. – Теперь нам влетит. Занесут в черный список.

– В черный список? – переспросила я. Коллингсвуд тоже использовала этот термин, но я до сих пор не понимала, что он означает, хотя должна признаться, звучит он невесело. Мне привиделось, как нас измажут ваксой – как викария покрасили для роли Отелло на приходском спектакле. Довольно серьезное наказание за дурацкое опоздание.

И тут зазвонил другой звонок: на этот раз ближе и тише.

– Это дверной звонок, – сказала ван Арк.

Как иногда случается, когда оказываешься в стесненных обстоятельствах, судьба подкинула еще один шанс, и я им воспользовалась.

Вместо того чтобы следовать за ван Арк, я метнулась в вестибюль и открыла дверь.

Там стоял высокий стройный мужчина, еще не успевший отнять палец от звонка. У него были длинное лицо и длинные пальцы средневекового святого и тело бегуна.

Рядом с ним с решительным видом, расставив ноги и заложив руки за спину, стоял мужчина помоложе, коренастый, одетый в синюю форму. С тем же успехом он мог бы написать «ПОМОЩНИК» у себя на лбу несмываемыми чернилами.

– Да? – произнесла я, беря на себя инициативу.

Ван Арк за моей спиной шумно вздохнула от моей наглости.

– Мисс Фолторн, – сказал средневековый святой. Я уже поняла, что он немногословен. Прямо как Гэри Купер.

– А! – воскликнула я. – Должно быть, вы из полиции.

Это, конечно же, глупая реплика, но при этом очень правильная.

Высокий мужчина почти неохотно кивнул.

– Верно, – отозвался он.

Да, из него слова лишнего не выдавишь.

– Я Флавия де Люс, – представилась я, протягивая руку. – А вы?

– Инспектор Грейвенхерст.

– А, – сказала я, как будто ожидала, что его будут звать именно так.

Он быстро, но уверенно пожал мне руку. Я заметила, как одновременно он окидывает меня взглядом.

– А это сержант.... – продолжила я, пользуясь своим шансом.

Наверняка правая рука инспектора – какой-нибудь сержант.

– Ла Белль, – ответил сержант, не поправляя меня.

– Я передам мисс Фолторн, что вы желаете ее видеть, – сказала я.

Инспектор кивнул, входя и осматривая вестибюль с острым интересом, вбирая каждую деталь своим пронзительным взглядом.

Мне уже нравился этот человек.

– Кстати, – бросила я вскользь, поворачиваясь к нему спиной, – это я обнаружила труп.

Это не совсем правда, но это моя единственная возможность оказаться в деле. Я совладала с сильным желанием объявить, что это не первый мой труп и что на самом деле трупы – моя визитная карточка.

Однако скромность возобладала.

Инспектор сразу же просиял.

– Правда? – переспросил он, и моя симпатия к нему усилилась. Какая жалость, что он не принадлежит к легендарной Королевской канадской конной полиции. Это было бы просто идеально, но вряд ли это его вина. Его рост наверняка

превышает какие-нибудь дурацкие сомнительные требования.

– Ван Арк, – сказала я, удивляясь собственному нахальству. – Сбегай наверх и скажи мисс Фолторн, что пришел инспектор.

Я едва совладала с желанием добавить: «Деточка».

У ван Арк отвисла челюсть.

– Ван Арк – староста, – объяснила я инспектору. – Она имеет преимущественное право обращаться к директрисе.

Я нашла правильные слова. Ван Арк выдавила гордую улыбку и стремительной ракетой унеслась по лестнице.

– Вы англичанка, – заметил инспектор Грейвенхерст.

– Да, – подтвердила я. Только акцент выдавал меня среди канадских девочек, как...

– Давно здесь? – поинтересовался инспектор.

– Со вчерашнего вечера, – ответила я.

Как приятно вести беседу с этим человеком! Что за глоток свежего воздуха общаться с тем, кто не трещит, как деревенская старая дева!

Мне отчаянно захотелось рассказать ему о моем большом друге из Букшоу – инспекторе Хьюитте, но вряд ли сейчас подходящее время. Я найду более удобный случай вернуть в разговор пару слов о моем дражайшем инспекторе и его божественной жене Антигоне.

На лестнице послышался топот – это торопливо спускалась ван Арк, за которой более степенной поступью следовала мисс Фолторн.

Черт бы их побрал! Я только приступила к делу. Но остается только подыгрывать. Я скромненько сложила руки на талии и изобразила покорность, внимательно уставившись на мисс Фолторн, словно гончая на хозяина в ожидании мячика.

– Благодарю тебя, Флавия. Можешь идти. Отведи ее в четвертый класс, ван Арк.

Я не смогла сдержаться. Сделала реверанс.

Ван Арк схватила меня за руку, и я успела только послать инспектору мимолетную, но ослепительную улыбку.

– Ты знаешь, что позже заплатишься за это, – сказала мне ван Арк, когда мы отошли по коридору на достаточно большое расстояние.

– За что? – спросила я.

Она не объяснила, и мы продолжили быстро идти.

– Я привела новенькую, мисс Баннерман.

Ван Арк замолчала, придерживая дверь.

Я чуть не лишилась чувств, когда учительница обернулась. Разумеется, это было то самое сказочное создание с лицом милого эльфа! Неземное создание, самое подходящее место которому – на листе наперстянки, где она бы пила росу из наперстка.

– Входи, Флавия, – сказала она. – Мы тебя ждали.

Флавия? Неужели убийца (оправданная) Милдред Баннерман знает мое имя?

Боюсь, первый раз в жизни я потеряла дар речи, но сердце мое пело.

– Входи, Флавия, – повторила она, и я вошла в класс, как зомби.

Не стоит и говорить, что я оказалась центром внимания, чего терпеть не могу. Все девочки открыто пялились на меня, и я сочла разумным смотреть на них в ответ точно так же. Они вызывали у меня такое же любопытство, какое я у них.

Кто, например, эта остроносая девочка в дырявых колготках? Кто эта толстушка с приятным лицом и обгрызенными ногтями? А кто эта девочка, которая так внимательно смотрит на меня из дальнего угла кабинета? Если бы я не знала, что это невозможно, я бы решила, что она держит на меня застарелую обиду.

А эта девочка посреди класса, лопающегося от любопытства, которая так усердно игнорирует меня? Я мысленно взяла ее на заметку, внимательно отмечая детали: маленький рот, маленький нос и глубоко посаженные глаза; длинные черные волосы и общее впечатление самоуверенности, как будто она – богатая путешественница, делающая покупки на рынке, а вокруг – нищие в лохмотьях.

Сделав отметку в том, что я приняла за классный журнал, мисс Баннерман ушла из кабинета, чтобы провести урок в пятом классе, а вместо нее явилась седовласая женщина, которую я заметила во время завтрака. Я оказалась права, она – учительница французского.

Когда она вошла в кабинет, все девочки встали, и я вместе с ними.

В течение следующего часа мисс Дюпон – как ее зовут, я узнала позже – все время чирикала, задавая бессмысленные вопросы и с умным видом кивая в ответ на бессмысленные ответы. Я ни слова не понимала из их болтовни, но поскольку она обращалась к каждой девочке по имени, время было потрачено не совсем зря.

– Фла-ви-я, – наконец пропела она, неправильно поставив ударение в моем имени, и добавила какую-то непонятную чепуху. Я изучала свои ногти, делая вид, что не слышала.

– Elle est tres timide[7 - Она очень робкая (фр.)], – сказала она классу, и все, кроме меня, покатались со смеху.

Я чувствовала себя тупицей.

Какая прекрасная идея пришла в голову моим предкам, когда они покинули Францию во времена Вильгельма Завоевателя, подумала я; в противном случае меня бы с младенчества учили говорить через нос.

А какую бесполезную чушь заставили повторять этих девиц!

«Карл у Клары украл кораллы, Клара у Карла украла кларнет. Клара строго карала Карла за кражу коралла».

Я поняла, о чем речь, только потому что ван Арк потом мне рассказала.

Прискорбно!

Не стану рассказывать о том, как прошел остаток сегодняшнего утра, замечу только, что мне было неуютно. Как я уже сказала, ненавижу быть центром внимания, однако в то же время я терпеть не могу, когда меня игнорируют.

Как я мечтала о том, чтобы кто-нибудь постучал в дверь и объявил, что инспектор Грейвенхерст желает проконсультироваться у меня.

Не то чтобы он мог это так сформулировать, конечно же. Нет, он был бы более сдержан.

«Инспектор Грейвенхерст передает наилучшие пожелания, – сказали бы мне, – и умоляет мисс де Люс удостоить его своей помощью». Нет, «своей драгоценной помощью».

Или «бесценной помощью».

Интересно, в Канаде до сих пор в ходу подобная галантность? Что-то я сомневаюсь. В наши дни даже в Англии, судя по моему опыту, полиция скорее пошлет тебя за чашкой чаю или, когда они наконец начнут соображать, выжмут тебя как лимон, перед тем как приписать все заслуги себе.

Жизнь несправедлива. Просто жизнь несправедлива, и не надо забывать об этом.

Перед моим отъездом из дома тетушка Фелисити подарила мне маленькую записную книжку в кожаной обложке и маленький выдвигающийся карандашик, хитро спрятанный в золотом распятии, которое я носила на шее.

«Даже варвар дважды подумает, перед тем как тронуть это», – сказала она тогда.

Само по себе распятие тоже было непростым, как сказала мне тетушка Фелисити, поскольку воплощало идею Троицы, трех в одном: Бога-отца, Бога-сына и Святого Духа.

А еще, кроме карандаша, в этом распятии прятались мощная увеличивающая линза, выскакивающая наружу, и на удивление богатый набор отмычек.

«Чтобы не скучать тихими воскресеньями», – сказала она и, клянусь, еле заметно, хитро, по-змеиному подмигнула.

Только после обеда меня наконец вызвали. Мы с ван Арк шли по направлению к полю для хоккея, когда словно из ниоткуда возник полицейский сержант ла Белль. Может, он прятался за прачечной?

– Инспектор хочет вас видеть, – объявил он, и на меня пахнуло сигаретами.

Вот так вот. Никаких расшаркиваний.

Я беспомощно пожала плечами, взглянув на ван Арк, и пошла за сержантом в здание.

– Какой огромный дом, – заметил он, когда мы поднимались по лестнице к кабинету мисс Фолторн. – Просторный, но мрачный.

И он был прав. Женская академия мисс Бодикот представляла собой полный теней лабиринт – место, где свет едва проникал в окна. Ее строили не как место для жизни, а как место для молитвы; место, где узкие зигзагообразные коридоры были предназначены для того, чтобы запутать дьявола.

«Единственное, что может вырваться из монастыря, – однажды сказала мне Даффи, прочитав сенсационную книгу о жизни монахинь, – это молитвы и дым».

Что вернуло меня к мысли о трупe в моем дымоходе.

Я была так занята, что не успела как следует обдумать произошедшее.

Кто она? Как умерла? Сколько времени провела в этом камине?

И то, что мучило меня больше всего: почему ее закутали в американский флаг?

Мы остановились у входа в кабинет мисс Фолторн. Сержант поднял было руку, чтобы постучать в дверь.

Секунду он постоял, изучая меня с головы до пят.

– Будь осторожна, девочка, – сказал он мне, поправляя галстук, словно тот его душил.

И робко постучал в дверь.

– А, Флавия, – произнес инспектор Грейвенхерст, неправильно ставя ударение в моем имени на второй слог, в точности как мисс Дюпон.

– Я Флавия, – поправила его я.

Он кивнул, но даже не извинился.

– А теперь, – продолжил он, – расскажите мне о своем открытии.

Он явно еще не успел допросить Коллингсвуд; в противном случае он бы уже знал ее несколько отличающуюся версию. Лучше я скажу всю правду, и мою честность оценят.

– На самом деле, полагаю, тело обнаружила не я. В смысле, просто я тоже там была.

– Ясно, – сказал он. – И кто же его обнаружил?

– Коллингсвуд, – ответила я. – Патриция Энн.

Уголком глаза я заметила, что мисс Фолторн прекратила делать то, что она делала, и подняла взгляд от своего стола.

– Ей приснился ночной кошмар, – продолжила я. – И она ходила во сне. Попыталась забраться в дымоход. Я старалась не разбудить ее. Я слышала, что лунатики могут умереть от шока, если их неожиданно разбудить.

Я преисполнилась гордости! Вот он, пример моего сострадания, предлог для мисс Фолторн и правдоподобная история в одном флаконе.

Три в одном: святая троица правды, правоты и быстрого ума.

– И тут... эээ....

– Труп, – подсказала я.

– Эээ... да, как ты говоришь, труп вывалился из камина.

– Нет, – возразила я, – это случилось, только когда мисс Фолторн вошла в комнату. – И добавила: – До этого момента я не знала, что в камине есть тело.

– Потому что было темно, – констатировал инспектор.

Клянусь всеми святыми! Надо отдать должное этому человеку: шевелит мозгами он шустро. Он явно уже допросил мисс Фолторн и выслушал ее версию ночных событий.

– Да, верно, – подтвердила я. – Свеча мисс Фолторн погасла, и мы остались во мраке.

– Надолго?

– О нет. На пару секунд, думаю я. Мисс Фолторн почти сразу же зажгла спичку.

– Какую спичку?

– Картонную. Знаете, бывают такие в местах вроде «Савоя».

Инспектор глянул на мисс Фолторн, и она кивнула, подтверждая мои слова.

– А дальше?

– Что ж, именно в этот момент Коллингсвуд вывалилась из камина, а следом за ней упал труп. Должно быть, она его потревожила. Знаете, как будто щеткой – или ядром, – предположила я.

Едва произнеся эти слова, я поняла, что зашла слишком далеко.

– Флавия! – воскликнула мисс Фолторн.

– Простите, мисс Фолторн, – отозвалась я. – Просто количество высыпавшейся сажи и золы...

– Довольно, – перебила меня она. – Инспектор, я не позволю допрашивать моих девочек подобным образом. В конце концов, их вверили моему попечению.

Моих девочек! Она уже считала меня своей. Странно, но по каким-то неведомым причинам это было важно для меня.

– Верно, – сказал инспектор. – Ясно, что Флавия, – на этот раз он правильно произнес мое имя, – видела достаточно.

Что он имел в виду?

– Вы очень помогли, – продолжил он. – Благодарю. Можете идти.

Я взглянула на мисс Фолторн, и она кивнула в подтверждение.

Выходя из комнаты, я задержалась в дверях на достаточное время (искусство, которому я уделяю особенное внимание и которое очень недооценено любителями), чтобы услышать:

– А теперь, мисс Фолторн, я бы хотел получить список всех, кто входил и выходил из здания за последние двадцать четыре часа.

В коридоре я задумалась: почему двадцать четыре часа? Труп пролежал в камине бог знает сколько времени. Это же ясно, как дважды два.

Наверняка ведь инспектор не потребует список всех, кто пересекал порог женской академии мисс Бодикот за последнюю четверть века?

Но ведь этот список включал бы имя моей матери!

По моей спине пробежал холодок.

Глава 6

Ван Арк ждала меня у подножья лестницы. Она что, подслушивала?

– Тебя хочет видеть Джумбо, – сказала она.

– Джумбо?

– Главная среди девочек. На самом деле ее зовут Джун Боулз, но ты должна называть ее только Джумбо, иначе она пустит твою шкуру себе на перчатки.

– Понятно, – ответила я.

– Еще бы тебе было непонятно! – ван Арк загоготала и захлопала руками с таким видом, будто произнесла величайшую остроту.

– Почему она хочет меня видеть?

– Скоро узнаешь.

Когда мне говорят «скоро узнаешь» или «скоро увидишь», меня начинает тошнить.

– Она во «Флоренс Найтингейл», – добавила ван Арк, тыкая указательным пальцем в потолок.

И я пошла вверх по лестнице – по той самой, с которой только что спустилась.

Я просто как белка в колесе.

«Флоренс Найтингейл» располагалась в дальнем конце крыла «Афина». Как мне довелось узнать, разные части академии мисс Бодикот носили имена богинь, комнаты учениц – героинь, отдельные здания – святых, а туалеты – покойных членов королевской семьи.

«Она в «Боадицее»» означало, что упомянутая персона отправляет естественные надобности в маленьком туалете позади кухни, а «Анна Клевская» и «Джейн Сеймур» – это сортиры на верхних этажах.

«Флоренс Найтингейл» оказалась довольно большим кабинетом, выходившим на хоккейное поле.

Ван Арк постучала и вошла, не дожидаясь приглашения.

– Вот она, Джумбо, – сказала моя спутница. – Новенькая. Ее зовут де Люс. Флавия.

Джумбо медленно отвернулась от окна, лениво взмахнув рукой, чтобы разогнать повисший в воздухе табачный дым. Комната пропахла табаком.

Диана Дорс[8 - Диана Дорс (1931–1984) – английская актриса, прославившаяся благодаря тому, что по типуажу напоминала Мэрилин Монро.]в тунике, – была моя первая мысль.

Джумбо обладала, как могли бы написать в посвященных кино журналах, завораживающей красотой. Высокая, светловолосая, статная.

Словно высеченная из мрамора, вот что я имею в виду. Холодная... расчетливая... и, наверное, не лишенная жестокости.

Меня захватили впечатления – приятные и не только.

– Сигарету? – предложила статуя, протягивая мне упаковку «Свит Кэпрал»[9 - «Свит Кэпрал» – одна из самых старых табачных марок, появившаяся на свет в 1878 году и пользовавшаяся особенной популярностью в Канаде в начале XX века. Выпускалась до 2011 года.].

– Нет, спасибо, – отказалась я. – Пытаюсь бросить.

К этому предлогу я прибегала и раньше; похоже, он сработал.

– Хорошо тебе, – улыбнулась она. – Отвратительная привычка.

Она взяла очередную сигарету, церемонно закурила ее с помощью маленькой серебряной зажигалки, похожей на лампу Аладдина в миниатюре, и глубоко затянулась.

– Гадость, – произнесла она, и это слово вылетело из ее уст в сопровождении вонючего облака дыма.

На миг она показалась мне скандинавской богиней, выпускающей из себя бурю, или кем-то из четырех ветров, изображаемых в углах старинных карт.

«Сильнее, ветры, дуйте! Завывайте! Раздуйтесь и полопайтесь от злости!»

На миг я будто перенеслась обратно в Букшоу и оказалась в гостиной вместе с отцом, Фели и Даффи, мы слушали «Короля Лира» по «Би-би-си» во время одного из наших принудительных радиовечеров.

А затем я снова оказалась в академии мисс Бодикот.

Я была обескуражена. Голова моя кружилась, и дело было не только в табачном дыме.

– Лови ее, ван Арк!

Это были последние слова, которые я услышала.

Я падала.

В глубокий, пустой и ужасно гулкий колодец.

Я открыла глаза и сразу же пожалела об этом. Осколки света, падающего из окна, пронзали мои глаза иголками.

Я зажмурилась и перекатила голову в другую сторону.

– Тихо, – произнес голос. – Все в порядке.

– Вот, выпей, – сказал другой голос, и к моим губам прижали твердый ободок стакана. Я глотнула, и теплая жидкость побежала по моему горлу.

И тут же мои внутренности запылали огнем.

Я оттолкнула стакан, продолжая моргать от яркого света.

– Фу-у, – произнесла я, утирая рот тыльной стороной ладони.

– Это всего лишь бренди, – произнес голос, и я наконец опознала Джумбо. – Ты упала в обморок. Он поможет тебе взбодриться.

– Это не бренди, – услышала я свои слова, будто голова моя говорила на автомате. – Бренди не содержит гидросульфит калия и серный ангидрид.

Мои вкусовые рецепторы определили наличие этих веществ. Я была уверена.

Эти химикаты были одобрены тридцать лет назад Священной канцелярией в качестве стерилизаторов, консервантов и антиоксидантов для вина, используемого на святом причастии.

И не только в Риме, но и англиканской церковью.

Кто-то стащил это вино из часовни.

Просто здравый смысл и логика.

– Очень хорошо! – произнесла Джумбо, медленно появляясь передо мной в фокусе. – Нам надо быть более честными, Гремли.

Гремли оказалась невысокой девочкой с одутловатым лицом, рыбьими губами и угодливой сутулостью.

– Аргх, – издала она гортанный звук, будто она – творение доктора Франкенштейна.

Интересно, она притворяется или у нее и правда такой голос?

– Ты нас напугала, – продолжила Джумбо. – Мы было подумали, что ты склеила лыжи.

– Извини?

– Склеила лыжи. Дала дуба. Сыграла в ящик. И так далее. С девочками твоего возраста такое случается. Слабость конституции. Недиагностированные сердечные проблемы. Фьюить! И баста.

– Это не про меня, – возразила я, пытаюсь встать на ноги. – Я здорова, как лошадь.

Мой голос доносился до меня, словно эхо из другой комнаты.

Джумбо толкнула меня назад указательным пальцем. Я была обессилена.

– Расслабься, – сказала она. – Ты среди друзей.

Так ли? Я перевела взгляд с ее лица на Гремли.

Должно быть, мои сомнения были очевидны.

– Мы друзья, – подтвердила она. – Конечно. Ты же дочь Харриет де Люс, верно?

Молчание было моим ответом.

– Ей здесь поклоняются, как святой, знаешь ли. Разве ты не видела в холле ее святилище?

Я сглотнула и отвела взгляд в сторону окна. На моих глазах проступили слезы.

– Свет... – произнесла я.

– Мы все сочувствовали тебе, когда узнали про твою мать, – добавила Джумбо, прикасаясь к моей руке. – Нам ужасно жаль. Тебе, должно быть, особенно трудно, бедняжка.

Тут я не выдержала.

Я вскочила на ноги, вылетела из комнаты и, ничего не видя, понеслась в маленькую комнатку в конце коридора, которая, как я впоследствии узнала, именовалась «Картимандуя».

Там я забаррикадировалась в одной из двух кабинок, села на унитаз и хорошенько проревелась.

Успокоившись, я высморкалась в туалетную бумагу, умылась и старательно освежилась с помощью карболового мыла.

Что за неделя!

Одни только последние несколько минут оказались катастрофическими. Я нарушила как минимум три из десяти заповедей, десяти «Не...» британских школьниц: я заплакала, глотнула алкоголь и упала в обморок.

Я изучала свое отражение в мутном зеркале.

Лицо, которое туманно, но непокорно смотрело на меня, было сборной солянкой из де Люсов: смесь черт отца, тетушки Фелисити, Фели, Даффи – и главным образом Харриет. В резком свете ламп, моргавших надо мной, оно напомнило мне, но лишь на миг, одно из этих опрокинутых лиц Пикассо, которые мы видели в галерее «Тейт»: бледная кожа и калейдоскопическая мешанина.

Это воспоминание вызвало у меня улыбку, и наваждение прошло.

Я подумала о выцветших, колеблемых сквозняком плакатов военного времени, висящих в кондитерской мисс Кул на центральной улице Бишоп-Лейси: «Держись!», «Не унывай!» и «Вперед!».

Я сделала глубокий вдох, расправила плечи и отдала сама себе честь.

«Отец гордился бы мной сейчас», – подумала я.

– Служи, Флавия, – сказала я себе сама, поскольку его не было рядом. – Служи, де Люс.

Ван Арк беспокойно шныряла по коридору.

– Бип-бип? – спросила она.

– Бип-бип, – ответила я.

– Теперь у тебя есть друг, – сказала она, когда мы медленно спускались по лестнице.

Я все еще была не в настроении для шуток.

– О?

– Джумбо считает, ты – что надо, – объяснила она. – И не только потому что ты дочь Харриет де Люс. Она приглашает тебя на Малую общину сегодня вечером.

– Малую общину?

– У нее в комнате. После наступления комендантского часа. Только самые близкие друзья.

Мне следовало догадаться.

Трудно выглядеть заинтересованной, когда хочешь спать, но я развила эту полезную способность во время особенно продолжительных проповедей викария в Святом Танкреде, посвященных теме спасения души. А теперь я могла использовать ее на практике.

Для начала надо уставиться прямо в глаза преподавательнице, периодически кивая в ответ на ее слова. Можно даже притвориться, что делаешь заметки.

Потом надо упереться локтями в крышку стола и положить подбородок на сложенные ладони, словно размышляя над глубокой мудростью ее слов.

С помощью этих нехитрых приемов я могла ненадолго вздремнуть, полагаясь на веру (вот она, снова вера!), что я проснусь, если ко мне обратятся напрямую. Но этого никогда не случалось. За всю письменную историю учитель никогда не обращался с вопросом к внимательному ученику.

Обман ли это? Что ж, да. Полагаю, да, но как по мне, в любви и образовании все средства хороши.

За весь день я ничего не выучила, но хотя бы немного поспала, так что, когда закончился последний урок (по какому-то совпадению, им оказалась математика), я чувствовала себя на удивление свежей.

К ужину новизна моего появления начала утрачивать остроту. Почти все девочки обменялись со мной словом-другим, каждый раз прикасаясь к моей руке, словно я талисман, который нужно потереть, а те, кто этого не сделал, хотя бы перестали на меня пялиться.

Несмотря на веселую компанию, я очень хотела остаться одна. Скорее бы вечер.

– Ты в порядке? – спросила ван Арк. Это уже становилось ритуалом.

– Да, – ответила я.

Я искала предлог, чтобы уйти: усталость, путешествие, нерегулярное питание, нехватка сна и так далее.

Я не упомянула причину, по которой на самом деле хотела остаться одна и которая заключалась в том, что мой разум отчаянно нуждается в одиночестве, чтобы проявить все, на то способен: поразмыслить о неожиданном и прискорбном (но завораживающем) явлении трупа в «Эдит Клейвелл».

Подобно мистеру Грэдграйнду из «Тяжелых времен», я нуждалась в фактах – только в фактах. Хотя школьный учитель был вымышленным персонажем, придуманным Чарльзом Диккенсом, мне казалось, я слышу его сухой голос, бубнящий у меня в голове: «В этой жизни нам не нужно ничего, кроме фактов, сэр; одних только фактов!»

Мне нужны были следующие факты: а) кем была покойница? б) почему ее засунули в дымоход? в) кто ее туда засунул? г) ее убили? д) если да, то как? и, разумеется, е) кто?

Коллингсвуд ведь упомянула о пропавших девочках и сказала, что их было много.

Чтобы подумать, мне нужны были место и уединение.

– Если не возражаешь, я пойду спать пораньше.

– Но сейчас только шесть часов! – возразила ван Арк.

– Я знаю. Но мой мозг думает, что уже полночь. Видишь ли, я еще не перестроилась с времени по Гринвичу. Думаю, что за день-два я приспособлюсь.

Это был самый лучший предлог, который мне удалось придумать, но ван Арк приняла его без возражений.

– Ладно, беги, – сказала она. – Я зайду за тобой, когда надо будет идти на Малую общину.

Я довольно кивнула, как будто не могла дожидаться этого, и сбежала.

Но уснуть не получилось. Хотя тело убрали и комнату вымыли, вычистили и выскребли, я ворочалась и крутилась, сражаясь с простыней и подушкой, словно они – крокодилы, а я – путница, выдернутая из обжигающих песков Египта и брошенная в Нил.

Я пыталась представить, чем занимается полиция, но рассуждения в отсутствие реальной информации были мучением.

Я попыталась считать овец, но тщетно. Овцы меня утомляли.

Тогда я начала считать пузырьки с ядом:

Девяносто девять банок мышьяка на стене,

Девяносто девять банок мышьяка,

Если вдруг одна из банок упадет, станет

Девяносто восемь банок мышьяка на стене,

Девяносто восемь банок мышьяка.

Пузырьки с ядом были на самом деле нарисованы на обоях или же рулоны обоев были вымочены в отраве? Я вспомнила, что мышьяковые обои, выкрашенные с использованием пигмента гидроарсенит меди (II), убили Наполеона и других людей и, к моей печали, больше не производились.

Использовали ли гидроарсенит меди (II) для покраски обоев в Канаде, как это было в Англии? Может, девушка из камина отравилась, потому что спала в отравленной комнате? Во что ее завернули? Это были обои с изображением американского флага? Нет, они бы наверняка сгорели...

Только погрузившись в эти размышления, мой мозг осознал, что он истощен и движется по бессмысленному кругу. Мне надо было выспаться, отчаянно надо было выспаться.

Внезапно я проснулась.

В комнате было темно, и кто-то стучал в дверь, вернее, царапался.

– Флавия! – до меня донесся хриплый шепот.

Я сразу же вспомнила, что заперла дверь, опасаясь, что меня снова разбудит Коллингсвуд.

Я выскочила из кровати, путаясь в простынях, и попрыгала к двери.

При виде меня ван Арк удивленно отступила.

– Ты спала? – спросила она.

– Нет, – ответила я. – Просто вздремнула немного.

– Ладно, неважно, – сказала она. – Одевайся. Быстро. Ты что, забыла о Малой общине?

По правде говоря, забыла.

– Нет, – ответила я.

Я быстро засобиралась, пытаюсь придать себе пристойный вид, в то время как Ван Арк ждала меня в коридоре.

Но я все равно казалась себе чучелом, когда мы крались по темному коридору к «Флоренс Найтингейл».

Ван Арк откуда-то извлекла клочок бумаги и, подсунув его под дверь, начала водить им из стороны в сторону.

Я сразу же поняла, что это безмолвный сигнал, куда более совершенный, чем стук.

Через секунду дверь медленно отворилась и нас поманили внутрь.

Джумбо и еще с полдюжины девочек, среди которых были Гремли и та крошечная круглолицая блондинка, которую за завтраком Дрюс толкала в ребра, сидели на полу вокруг одинокой свечи, огонек которой заплясал, когда мы вошли в комнату.

– Подвиньтесь, – шепнула Джумбо, и круг расширился, чтобы принять нас.

И она объявила:

– Добро пожаловать, Флавия де Люс.

Я не смогла придумать, что сказать в ответ, поэтому просто улыбнулась.

– В женской академии мисс Бодикот есть традиция, согласно которой каждая новенькая в качестве приветствия рассказывает нам историю. Можешь начинать.

Сказать, что меня застали врасплох, будет преуменьшением.

Рассказать им историю? Я не знаю никаких историй, по крайней мере таких, которые можно рассказать стайке девочек.

– Какую историю? – уточнила я, надеясь получить намек.

– Историю с привидениями, – сказала Джумбо. – И чем она кровавее, тем лучше.

Семь парящих лиц придвинулись ближе, все глаза уставились на меня, если не считать Гремли, поднявшей руку вверх, словно закрываясь от враждебного солнца.

Эта возможность послана мне самими небесами! Уоллес Скруп, сальный репортеришка – слово «сальный» я узнала от Даффи, но до сих пор у меня не было повода его использовать, – предположил, что женскую академию мисс Бодикот населяют привидения. И мне подвернулась возможность поднять эту тему, не показавшись легковверным ребенком.

Но единственной историей о привидениях, которую я могла вспомнить в этот момент, была та, которую Даффи и Фели рассказывали мне, когда я была совсем маленькой: история, так меня пугавшая, что кровь стыла у меня в жилах.

Дело было так...

Глава 7

– В английской деревушке Мальден-Фенвик, – начала я, – недалеко от Букшоу, нашего семейного поместья, – я знала, что для пущего правдоподобия нужны достоверные детали, – находится старинная церковь Святого Румвольда. Она посвящена ребенку, который, как рассказывают, едва родившись, три раза прокричал: «Christianus sum! Christianus sum! Christianus sum!», что означает: «Я христианин», попросил, чтобы его окрестили, прочитал проповедь и умер трех дней от роду.

Девочки беспокойно переглянулись и что-то забормотали.

– В северном трансепте церкви расположена часовня с могилой крестоносца и его многочисленных жен и детей, а в одной из стен вмурована удивительная скульптура.

Это вырезанное в тринадцатом веке изображение состоятельного местного мельника по имени Йоханнес Хотуэлл или Хитуэлл – надпись уже истерлась и плохо читается. Он лежит на спине среди крестоносцев, с открытыми глазами и уставившимся в потолок носом, словно ждет какого-то сигнала с небес от нарисованных святых. В руках он сжимает нечто вроде мешка с мукой, хотя кое-кто настаивает, что, судя по тому, как он разукрашен, это воздушный шар, – но ведь это невозможно, не так ли? Поскольку воздушный шар изобретут братья Монгольфье только через пятьсот тридцать лет.

Я сделала паузу, чтобы глубже заронить в них эту мысль. Я рассказывала эту историю теми же словами, какими мне ее когда-то рассказывали сестры.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод П. Мелковой.

2

Атропос (или Атропа, или Айса) – одна из трех сестер-богинь судьбы в греческой мифологии. – Прим. ред.

3

Филистер – человек с узким, ограниченным умственным кругозором и ханжеским поведением.

4

Джордж Рафт (1901–1980) – американский киноактер, известный ролями гангстеров.

5

Джеймс Кэгни (1899–1986) – знаменитый американский киноактер, лауреат премии «Оскар». Воплощал в кино роли «плохих парней».

6

Любознательный переводчик выяснил, что кавычки в Библии короля Якова не ставились по двум причинам: 1) потому что их не употребляли в текстах, написанных на иврите и на древнегреческом языке, и читатель мог по контексту понять, где прямая речь, а где нет, 2) в цитатах кавычки не ставились, потому что не было уверенности, что цитаты дословные.

7

Она очень робкая (фр.).

8

Диана Дорс (1931–1984) – английская актриса, прославившаяся благодаря тому, что по типуажу напоминала Мэрилин Монро.

9

«Свит Кэпрал» – одна из самых старых табачных марок, появившаяся на свет в 1878 году и пользовавшаяся особенной популярностью в Канаде в начале XX века. Выпускалась до 2011 года.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/alan-bredli/sendvich-s-peplom-i-fazanom-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)